

Морис Дрюон

Когда король губит Францию

PREMIUM

Проклятые короли

Морис Дрюон

Когда король губит Францию

«Азбука-Аттикус»

1977

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Дрюон М.

Когда король губит Францию / М. Дрюон — «Азбука-Аттикус»,
1977 — (Проклятые короли)

ISBN 978-5-389-19837-1

Мориса Дрюона читающая публика знает прежде всего по саге «Проклятые короли», открывшей мрачные тайны Средневековья. За каждым произведением цикла стояла кропотливая работа в Национальном архиве, изучение документов, написанных на архаичном французском или на латыни. Серию исторических фресок завершает роман «Когда король губит Францию». Кардинал Эли Перигор рассказывает о бурных событиях, свидетелем которых он был, об Иоанне Втором, прозванном Добрым. Однако ни добрым, ни хорошим этот правитель не был. К 1356 году Франция разорена изнурительной войной, которой суждено продлиться еще не одно десятилетие. Однако король намерен дать англичанам решающее сражение близ Пуатье. Французским рыцарям предстоит сойтись в смертельной схватке с войсками Эдуарда Черного Принца. И хотя численный перевес на стороне французов, король отдает приказы, которые приводят к губительным последствиям. Проклятие великого магистра ордена тамплиеров, брошенное из пламени костра, продолжает действовать.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-19837-1

© Дрюон М., 1977
© Азбука-Аттикус, 1977

Содержание

Вступление	7
Часть первая	10
Глава I	10
Глава II	15
Глава III	20
Глава IV	26
Глава V	29
Глава VI	33
Глава VII	37
Глава VIII	40
Глава IX	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Морис Дрюон

Когда король губит Францию

*Самая наша длительная война, Столетняя, была просто
юридическим спором, закончившимся на поле боя.*
Поль Клодель

Maurice Druon

QUAND UN ROI PERD LA FRANCE

Copyright © 1977 by Maurice Druon, Librairie Plon et Editions Mondiales Published by
arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Н. М. Жаркова (наследник), перевод, 2021

© Г. А. Соловьева, историко-биографическая справка, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Вступление

В трагическую годину История возносит на гребень великих людей; но сами трагедии – дело рук посредственностей.

В начале XIV века Франция была наиболее могущественным, самым густонаселенным, самым жизнедеятельным, самым богатым государством во всем христианском мире, и недаром нашествий ее так опасались, прибегали к ее третейскому суду, искали ее покровительства. И уже казалось, что вот-вот для всей Европы настанет французский век.

Как же могло так случиться, что сорок лет спустя эта самая Франция была разгромлена на полях сражений страной, население которой было в пять раз меньше; что знать ее разбилась на враждующие между собой партии; что горожане взбунтовались; что ее народ изнемогал под непосильным бременем налогов; что провинции отпадали одна за другой; что шайки наемников отдавали страну на поток и разграбление; что над властями открыто смеялись; что деньги обесценились, коммерция была парализована и повсюду царила нищета; никто не знал, что принесет ему завтрашний день. Почему же рухнула эта держава? Что так круто повернуло ее судьбу?

Посредственность! Посредственность ее королей, их глупое тщеславие, их легкомыслие в делах государственных, их неумение окружить себя нужными людьми, их беспечность, их высокомерие, их неспособность вынашивать великие замыслы или хотя бы следовать тем, что были выношены до них.

Не свершиться ничему великому в области политической – все скоротечно, если не будет людей, чей гений, свойства характера, воля смогут разжечь, сплотить и направить энергию народа.

Все гибнет, когда во главе государства стоят, сменяя друг друга, скудоумные люди. На обломках величия распадается единство.

Франция – это идея, сочетающаяся с Историей, в сущности идея произвольная, но она с тысячного года усвоена особами царствующего дома и с таким упорным постоянством передается от отца к сыну, что первородство в старшей ветви скоро становится вполне достаточным основанием для законного вступления на престол.

Конечно, немалую роль играла тут и удача, словно бы судьба решила побаловать эту только еще складывавшуюся нацию и послала ей целую династию несокрушимо крепких правителей. От избрания первого Капетинга вплоть до кончины Филиппа Красивого лишь одиннадцать королей в течение трех с четвертью веков сменили друг друга на троне, и каждый оставил после себя потомство мужского пола.

О, конечно, не все эти владыки были орлами. Но почти всегда вслед за бесталанным или неудачливым принцем сразу же вступал на престол, словно была на то милость Небес, государь высокого полета или же великий министр правил за немощного монарха.

Совсем еще юная Франция чуть не погибла, попав в руки Филиппа I – человека, наделенного мелкими пороками и, как выяснилось впоследствии, неспособного вершить государственные дела. Но вслед за ним появился неутомимый Людовик VI Толстый, которому при вступлении на престол досталась урезанная держава, так как неприятель стоял всего в пяти лье от Парижа, и который оставил ее после своей смерти не только восстановленной в прежних размерах, но и расширил территорию Франции вплоть до самых Пиренеев. Безвольный, взбалмошный Людовик VII ввергает государство в гибельные авантюры, затеяв заморский поход; однако аббату Сугерию, правящему именем короля, удалось сохранить единство и жизнеспособность страны.

И наконец, на долю Франции выпадает неслыханная удача, да не одна, а целых три подряд, когда от конца XII века до начала XIV ею правили трое одаренных или даже выдающихся

монархов, и каждый восседал на престоле в течение достаточно долгого срока: процарствовали они – один сорок три года, второй сорок один год, третий двадцать девять лет – так, что все их главные замыслы успели претвориться в жизнь. Три короля, отнюдь не схожие меж собой ни по природным данным, ни по своим достоинствам, но все трое на голову, если не больше, выше заурядных королей.

Филипп Август, кузнец Истории, начинает выковывать подлинное единое отечество, присоединив к французской короне близлежащие и даже лежащие не слишком близко земли. Людовик Святой, вдохновенный поборник веры, опираясь на королевское правосудие, устанавливает единое законодательство. Филипп Красивый, великий правитель Франции, опираясь на королевскую администрацию, создаст единое государство. Каждый из этой троицы меньше всего думал о том, чтобы угодить кому бы то ни было; прежде всего они стремились действовать, и действовать с наибольшей пользой для страны. Каждому выпало на долю испытать полной чашей горькое пойло непопулярности. Но после их кончины их оплакивали куда больше, чем ненавидели, высмеивали или чернили при жизни. И главное – то, к чему они стремились, продолжало существовать.

Отечество, правосудие, государство – основа основ нации. Под эгидой этих трех зачинателей идеи французского королевства страна вышла из полосы неопределенности. И тогда, осознав себя самое, Франция утвердилась в западном мире как неоспоримая, а в скором времени и главенствующая реальность.

Двадцать два миллиона жителей, надежно охраняемые рубежи, легко созываемое войско, присмирившие феодалы, строго контролируемые административные районы, безопасные дороги, оживленная торговля. Какая другая христианская страна могла теперь сравниться с Францией и какая из христианских стран не поглядывала на нее с завистью? Конечно, народ роптал под слишком тяжелой государевой десницей, но он возропщет еще сильнее, когда из-под твердой десницы попадет в слишком вялые или слишком сумасбродные руки.

После кончины Филиппа Красивого вдруг все разом расплозлось. Длительная полоса удач в наследовании трона пресеклась.

Все трое сыновей Железного короля по очереди сменялись на престоле, не оставляя после себя потомства мужского пола. В предыдущих книгах мы уже рассказывали о многочисленных драмах при королевском дворе Франции, разыгрывавшихся вокруг короны, перепродававшейся на аукционе тщеславных притязаний.

На протяжении четырнадцати лет четыре короля сходят в могилу; было отчего встать в тупик. Франция не привыкла так часто устремляться в Реймс. Словно молнией сразило ствол капетингского древа. И мало кого утешило то, что корона перешла к ветви Валуа, ветви, по существу, суетливой. Легкомысленные хвастуны, непомерные тщеславцы, все в показном, и ничего внутри, отпрыски ветви Валуа, всходившие на престол, были уверены, что им стоит улыбнуться, чтобы осчастливить все королевство.

Их предшественники отождествляли себя с Францией. А вот эти отождествляли Францию с тем представлением, каковое составили сами себе о собственной персоне. После проклятия, принесшего непрерывную череду смертей, – проклятие посредственности.

Первый Валуа – Филипп VI, прозванный «королем-подкидышем», короче говоря, просто выскочка, – за десять лет так и не сумел утвердить свою власть, потому что к концу этого десятилетия его кузен Эдуард III Английский завел династические распри: он предъявил свои права на престол Франции, и это позволило ему поддерживать и во Фландрии, и в Бретани, и в Сентонже, и в Аквитании все те города и всех тех сеньоров, что были недовольны новым государем. Будь на французском престоле монарх порешительнее, англичанин наверняка так и не осмелился бы на этот шаг.

Филипп Валуа не только не сумел предотвратить грозящей стране опасности – куда там, флот его погиб у Слюйса по вине назначенного им лично адмирала, без сомнения назначен-

ного лишь потому, что адмирал ровно ничего не смыслил ни в морских делах, ни в морских сражениях; а сам король в вечер битвы при Креси бредет по полю боя, преспокойно предоставив своей кавалерии крушить свою же собственную пехоту.

Когда Филипп Красивый облагал народ новым налогом, что вменялось ему в вину, то делал он это, желая укрепить обороноспособность Франции. Когда Филипп Валуа потребовал ввести еще более тяжелые подати, то лишь для того, чтобы оплатить свои поражения.

За последние пять лет его правления курс чеканной монеты будет падать сто шестьдесят раз; серебро потеряет три четверти своей стоимости. Тщетно старались установить твердые цены на продукты питания, они достигли головокружительных размеров. Глухо роптали города, страждущие от никогда раньше не виданной инфляции.

Когда беда раскинет свои крыла над какой-нибудь страной, все смешивается и природные катастрофы сопрягаются с людскими ошибками.

Чума, великая чума, пришедшая из глубины Азии, обрушила свой бич на Францию злее, чем на все прочие государства Европы. Городские улицы превратились в мертвецкие предместья – в бойню. Здесь унесло четвертую часть жителей, там – третью. Целые селения опустели, и остались от них среди необработанных полей лишь хижины, брошенные на произвол судьбы.

У Филиппа Валуа был сын, но его, увы, пощадила чума.

Францию отделяли еще только две-три ступени от полного упадка и разорения, но с помощью Иоанна II, по недоразумению прозванного Добрым, эти ступени будут пройдены.

Эта череда сменяющих друг друга на троне посредственностей чуть было не уничтожила в Средние века государственный строй, исходящий из посылки, что сама природа способна породить в лоне одного и того же семейства держателя верховной власти. Но разве народы чаще выигрывают в лотерее избирательных урн, чем в лотерее хромосом? Толпы, ассамблеи, даже ограниченные группы избирателей ошибаются так же часто, как ошибается природа; Провидение так или иначе скуповато на величие.

Часть первая

Беды приходят издалека

Глава I

Перигорский кардинал размышляет...

Я бы мог стать папой. Ну как забыть, как не вспомнить, что трижды я держал в руках папскую тиару, трижды! Будь то Бенедикт XII, будь то Климент VI, будь то наш теперешний папа, это я, я после ожесточенной борьбы решал, чье именно чело в конце концов увенчает тиару. Мой друг Петрарка недаром зовет меня делателем пап... Не такой уж искусный делатель, раз тиара ни разу не досталась мне. Впрочем, на то воля Божья... Ох и странная это штука – конклав! По-моему, я единственный из живущих ныне кардиналов видел целых три конклава. А возможно, увижу и четвертый, ежели папа Иннокентий VI и впрямь болен, как уверяет всех и каждого...

Что это там внизу за крыши? Ах да, узнаю, это же аббатство Шанселада, что лежит в долине Боронн... Конечно, в первый раз я был чересчур молод. Тридцать три года, возраст Христа; и в Авиньоне пошел об этом шепоток, когда стало известно, что Иоанн XXII... Господи, осени душу его святым своим светом, он был моим благодетелем... когда стало известно, что он уже не встанет с ложа. Но кардиналы не пожелали выбрать самого молодого из всех своих собратьев, охотно признаю – это вполне разумно. Дабы нести такое бремя, требуется опыт, и опыт этот я приобрел ныне. Но все равно и тогда у меня уже было достаточно опыта, и поэтому-то я не забивал себе голову тщетными иллюзиями... Я только без устали нашептывал итальянцам, что никогда, слышите, никогда французские кардиналы не отдадут своих голосов Жаку Фурнье, и, представьте, добился того, что все они проголосовали именно за него, и он был избран единодушно. «Вы же осла выбрали!» Вот что он крикнул нам, когда огласили его имя, и это вместо благодарности-то. Он знал свои недостатки. Нет, впрочем, не такой уж он осел, но тем паче и не лев. Просто хороший генерал духовного ордена, который довольно умело заставил неукоснительно повиноваться себе картезианцев, во главе коих он и стоял. Но возглавлять весь христианский мир... для этого слишком он был мелочен, слишком придирчив, слишком пристрастен. В конечном счете все его реформы принесли больше зла, чем добра. Зато уж при нем можно было быть уверенным, что Святой престол в Рим не вернется. В этом вопросе он был тверд как скала... а это-то и было самым главным.

Во второй раз, на конклаве 1342 года... ох, я ведь в этот второй раз имел все шансы, если бы... если бы Филипп Валуа не пожелал посадить на Святой престол своего канцлера, архиепископа Руанского. А мы, перигорцы, всегда были покорны французской короне. И к тому же разве мог бы я впредь оставаться главой французской партии, ежели бы пошел против желания короля? Впрочем, Пьер Роже был великим папой, безусловно лучшим из всех пап, которым я служил. Достаточно поглядеть, во что он превратил Авиньон, какой дворец построил и сколько хлынуло к нему людей просвещенных, ученых, художников... И наконец, он ухитрился купить город Авиньон. С моей помощью купил, потому что я вел переговоры с королевой Неаполитанской, поэтому могу смело сказать – это дело рук моих. Восемьдесят тысяч флоринов, да это же пустяк, просто подачка. Королева Жанна не так нуждалась в деньгах, как в отпущении грехов – я имею в виду ее многочисленные браки, не говоря уже о еще более многочисленных любовниках.

Наверняка на вьючных моих лошадях они надели новую упряжь. В носилках не особенно-то мягко. Так оно всегда и получается, когда отправляешься в путь, всегда одно и то

же... Отныне наместник Божий уже не постоялец, что сидит бочком на краешке шаткого трона. А папский двор – это же пример для всего света! Все короли теснятся здесь. Для того чтобы быть папой, мало быть священником, надо еще уметь быть земным владыкой. Климент VI был великим политиком, и он охотно прислушивался к моим советам. Ах, чего стоит одна только морская лига, куда входили латинская церковь Востока, кипрский король. Венецианская республика, странноприимный орден... Нам удалось очистить от варварской заразы греческий архипелаг; и много еще чего мы могли бы совершить. Но потом началась эта дурацкая война между французским королем и королем английским – честно говоря, не думаю, чтобы она когда-нибудь кончилась, – и помешала нам осуществить еще один наш замысел – вернуть Восточную церковь в лоно Римской церкви. А потом пришла чума... а потом папа Климент скончался...

В третий раз на конклаве – а был он четыре года назад – помехой оказалось мое происхождение. Слишком я, видите ли, знатный сеньор, у нас уже был один такой. Я, кардинал Перигорский, зовусь Эли де Талейран, шутка ли, и если бы выбрали меня, то это было бы прямым оскорблением для бедных! В иные минуты на нашу церковь нападает яростный стих самоуничтожения и самоуменьшения. Но пользы от этого что-то не видно. Хорошо, совлечем с себя наше богатое облачение, запрячем подальше наши ризы, продадим с торгов наши золотые дароносицы и будем раздавать верующим тело Христово из двухгрошовых мисок; облачимся в мужицкую одежду, да еще выберем ту, что погрязнее, и никто не будет тогда питать к нам уважения, прежде всего само мужичье... А как же иначе, ежели мы станем им ровней, с чего же это они будут нас почитать? В конце концов, мы и сами потеряем к себе всяческое уважение... Сошлитесь на это в присутствии вот таких оголтелых сторонников самоуничтожения, вам тут же ткнут под нос Евангелие, да еще с таким видом, будто им одним оно ведомо, и как начнут твердить о яслях, стоявших между быком и ослом; как начнут нудить о мастерской плотника!... Будьте, мол, подобны нашему владыке Иисусу Христу... Но разрешите спросить вас, дорогие мои тщеславцы, ученые мужи, где сейчас-то находится Иисус? Разве не восседает Он одесную Отца своего, разве не столь же всемогущ, как Он? Разве не Христос во всем величии своем царит среди небесных светил и музыки сфер? Разве не Он властитель Вселенной, окруженный сонмом серафимов и блаженных? И кто, скажите на милость, уполномочил вас через собственный свой облик решать, какой из двух образов Иисуса должно вам давать пастве – образ краткого его земного существования или же образ вечного его торжества?

...Ну и ну, если по пути мне попадется какая-нибудь епархия, где епископ, приверженец новых идей, чересчур склонен принижать Господа нашего, тогда я вот что скажу ему в поучение. Таскать на себе ежедневно с утра до вечера золотое шитье весом в двадцать фунтов, да еще митру, да еще посох – не так-то уж это весело, особенно когда таскаешь их на себе целых тридцать лет. Но без этого не обойтись.

На дешевку души не уловишь. Если один оборванец говорит другим оборванцам «братья мои», на них эти слова не произведут впечатления. Вот если им это скажет король – дело другое. Внушить людям, пусть и не ахти какое, уважение к самим себе – вот оно самое настоящее благодеяние, чего, увы, не понимают наши фратичеллы и прочие нищенствующие ордена. Как раз потому, что человек нищ и жалок, и потому, что он страдалец и грешник, ему и необходимо внушить надежду, что на том свете будет иначе. Да, да, а для этого нужны ладан, позолота, музыка. Церковь обязана дать верующим зримую картину Царства Небесного, и любой из священников, начиная с папы и его кардиналов, должен хоть отчасти воплотить собой образ самого Творца...

В сущности, не так уж плохо побеседовать с самим собой, глядишь, и всплывут новые мысли для будущих моих проповедей. Но мне как-то приятнее обнаруживать их в беседах с другими людьми... Надеюсь, Брюне не забыл мои леденцы... Нет, вот они здесь. Кстати, он никогда ничего не забывает...

Я лично хоть и не такой великий теолог, как другие, а такими в наш век хоть пруд пруди, но, коль скоро на меня возложен долг блюсти в порядке и чистоте земные жилища Господа Бога, я наотрез отказался урезать расходы на свое содержание и содержание своего отеля; и сам папа, а он знает, слишком хорошо знает, чем мне обязан, даже и не подумал меня к тому принуждать. Ежели ему нравится приbedнаться на папском престоле – что ж, его дело. Но я – его нунций и обязан блюсти блеск его сана.

Знаю, знаю, кое-кто прохаживается насчет моих внушительных пурпурных носилок с золоченым передком и золочеными гвоздиками, то есть тех носилок, в которых я сейчас передвигаюсь, и насчет двух моих лошадей под пурпуровыми чепраками, и насчет моего эскорта, насчитывающего две сотни копий, и насчет трех перигорских львов, вышитых не только на моем знамени, но и на ливреях моих стражников. Но ведь благодаря всему этому, когда я въезжаю в какой-нибудь город, весь народ высыпает мне навстречу, падает ниц, целует полы моего плаща. Да что там, сами короли преклоняют предо мною колена... во славу Твою, Господи, во славу Твою!

Только вот на последнем конклаве это оказалось не совсем кстати, и мне дали это почувствовать, причем почувствовать довольно ощутимо. Им требовалось что-нибудь попроще, человек позаурядней, смиренник, бедняк. Лишь с трудом мне удалось в последнюю минуту добиться того, чтобы не избрали Жана Биреля. Кто спорит, он святой, о, конечно же, святой! Но у него нет ни на йоту того, что требуется, дабы править христианским миром, не такого он склада человек, и он стал бы вторым Пьетро Моронем. Сколько же мне потребовалось красноречия, чтобы доказать моим братьям, участникам конклава, как чревата опасностями, особенно в такую смутную для всей Европы годину, будет наша ошибка, ежели мы дадим миру второго Целестина V. Ох не пощадил же я дражайшего Биреля. Такую воздал ему хвалу, воочию показал, что именно в силу своих добродетелей он не способен возглавить церковь; короче, что называется, убил его наповал и добился, чтобы выбрали Этьена Обера – он бедного рода, откуда-то из-под Помпадура, и тоже не блещет в церковной иерархии, так что все дружно называли его имя.

Обычно считается, что сам Святой Дух просвещает нас, дабы мы сумели выбрать лучшего. На самом же деле чаще всего мы голосуем с таким расчетом, чтобы не прошел худший.

Разочаровал меня наш святой отец. Вечные стоны, нерешительность: то принимает решение, то отменяет. Я бы совсем иначе правил церковью! И потом, что это за выдумка такая – послать со мной вместе кардинала Капоччи, будто необходимо посылать двух легатов, будто я недостаточно искушен, дабы вести дела одному, без чужой подсказки?! И что же? Мы переругались, едва прибыв к месту назначения, потому что я сумел ему показать его глупость. Надулся наш дражайший Капоччи, якобы отстранился от дел. И пока я ношусь из Бретея в Монбазон, из Монбазона в Пуатье, из Пуатье в Бордо, из Бордо в Перигор, он, видите ли, сидит себе в Париже и шлет оттуда во все концы послания, лишь бы осложнить мои будущие переговоры. Ох, надеюсь, что не встречу его в Меце...

Перигор, мой Перигор... Господи, неужели я видел его в последний раз?

Моя матушка была убеждена, что я непременно стану папой. И твердила мне об этом при всяком удобном и неудобном случае. Именно поэтому она приказала выстричь мне тонзуру, когда мне было всего шесть лет; и она же добилась от Климента V, питавшего к ней подлинно дружеские и возвышенные чувства, чтобы меня сразу же включили в число папских воспитанников и чтобы мне дали приход с бенефициями. Сколько же было мне лет, когда матушка привела меня к папе?.. «Дражайшая Брюнссанда, надеюсь, что сын ваш, коему даем мы особое наше благословение, сумеет проявить на том поприще, что вы избрали для него, незаурядные добродетели, свойственные славному вашему роду, и быстро достигнет самых высоких должностей нашей Святой церкви!..» Нет, не больше семи лет. Он назначил меня каноником в Сен-Фрон; так я впервые облачился в мантию. Почти полвека прошло с той поры... Матушка моя

спала и видела меня на папском престоле. Была ли то просто тщеславная материнская мечта или же и впрямь пророческое видение, что порой осеняет женщин? Увы, сам я отлично знаю, что папой мне не бывать.

И однако... однако мой гороскоп говорит, что в день моего появления на свет Юпитер сочетается с Солнцем, светило проходит через меридиан в наивыгоднейшей точке – верный знак власти и мирного правления. Ни у одного другого кардинала нет такого благоприятствующего расположения светил, как у меня. Мой гороскоп значительно лучше, чем был у папы Иннокентия в день его избрания. Но только вот в чем загвоздка... Мирное правление, да, мирное правление, а ведь кругом война, мятежи, гроза. Слишком уж хорош мой гороскоп по нынешним временам. Так что гороскоп Иннокентия, предвещавший одни лишь трудности, заблуждения, невзгоды, куда лучше подходит к нынешним смутным временам. Господь Бог уготовливает человека к той године, что довлеет миру, и призывает папу, способного выполнить Его замысел, будь то ради величия и славы, будь то ради мрака и бездны...

Если бы я не стал согласно желаниям матушки верным служителем церкви, я был бы сейчас графом Перигорским, коль скоро старший мой брат скончался, не оставив потомства, как раз в год первого моего конклава; а графский титул, поскольку он был мне ни к чему, перешел к нашему младшему брату Роже-Бернару... Ни папа, ни граф. Ну что ж, надо оставаться на том месте, куда поставило нас Провидение, и постараемся как можно лучше выполнить долг свой. Нет сомнения, что я мог бы стать одним из тех, кому суждено сыграть великую роль, стать великим человеком своего века, имена которых тут же забывают, едва они сходят со сцены. Ленива и неповоротлива память людская, только имена королей удерживает она... Да будет на то воля Твоя, Господи, да будет воля Твоя...

И к тому же какой толк в сотый раз думать все о том же, говорить себе все то же... Надо полагать, душу мне взволновало то, что повидал я Перигор, край моего детства, и дорогую мне коллегиальную церковь Сен-Фрон, и расставание с ними. Лучше будем любоваться этим милым пейзажем, который, возможно, я вижу в последний раз. Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты ниспослал мне такую радость...

Но почему это меня везут чуть ли не галопом? Мы уже проехали Шато-л'Эвек; отсюда до Бурдея мы доберемся через два часа, не более. В первый день отбытия вообще следует делать недолгие переходы. Прощания, последние прощания, последние благословения, которых у вас просят, забытые вещи – никогда еще никто не отправлялся в путь точно в назначенный час. Но на сей раз и впрямь слишком уж короткий переход...

Брюне! Эй, Брюне, друг мой, пойд и скажи, чтобы ехали чуть помедленнее. По чьей милости мы несемся сломя голову? По милости Кюнака или Ла Рю? Вовсе не обязательно так меня трясти. А потом пойд и скажи его светлости Аршамбо, моему племяннику, чтобы он слез со своего коня, что, мол, я зову его к себе в носилки. Благодарю, ну, иди, иди...

Когда я уезжал из Авиньона, меня сопровождал другой мой племянник, Робер де Дюраццо; на редкость приятным он был попутчиком. В нем много общего с моей сестрой Аньес да и с нашей матушкой. Жаль, что под Пуатье он дал себя убить этим тупицам-англичанам, ввязавшись в битву в войске короля Франции! О, за это я его не упрекаю, даже если порой притворяюсь, что упрекаю. Ну кто бы мог подумать, что король Иоанн позволит так себя поколотить! Выставляет тридцать тысяч человек против шести тысяч, а к вечеру он, глядишь, уже в плену. Ах, глупый, глупый король, дурачок! Если бы он тогда хотя бы согласился на договор, который я ему, как дар, преподнес на блюде, можно было бы выиграть дело, обойдясь без всяких битв!

На мой взгляд, Аршамбо не такой живой, не такой блестящий, как Робер. Он не знал Италии, а только в Италии юность расцветает ярким цветом. В конце концов, если будет на то милость Божья, именно он станет графом Перигорским. Этому юноше полезно попутеше-

ствовать в моем обществе, он хоть немножко обтешется. От меня он многое узнает... Ну, раз я уже отдумал и отмолился, незачем мне больше сидеть в одиночестве.

Глава II

Кардинал Перигорский говорит

Нет, вовсе я не против верховой езды, Аршамбо, и вовсе не так уж стар, чтобы не вскарабкаться на лошадь. Поверьте на слово, я могу проскакать целых пятнадцать лье и, ручаясь, легко обгону даже более молодого. Впрочем, вы и сами видите, что за носилками ведут оседланного коня – мало ли что может случиться, или вдруг мне припадет охота прокатиться верхом. Но я не раз замечал, что после целого дня, проведенного в седле, у человека в ущерб мысли просыпается аппетит, и, вместо того чтобы сохранить светлую голову, он жадно набрасывается на еду и пьет сверх меры, а светлая голова мне нужна во время моих частых поездок, когда приходится проверять, поучать людей или вести с ними переговоры.

Большинство королей, и в первую очередь король Франции, правили бы своим государством с большей для дела пользой, если бы они чуть меньше утомляли чресла, а побольше голову и не решали бы важнейшие дела за пиршественным столом после бешеной скачки или охотничьих забав. Заметьте, что в носилках тоже можно двигаться с наименьшей скоростью, особенно если, как вот в мои, впрячь добрых лошадок и позаботиться, чтобы их почаще меняли... Хотите леденчик, Аршамбо? Вон там у вас под рукой ящичек... передайте-ка и мне один леденец.

Знаете, за сколько дней я проделал путешествие из Авиньона до Бретей в Нормандии, когда я отправился к королю Иоанну, начавшему там дурацкую осаду крепости? Ну, ну, скажите!.. Нет, дорогой племянник, меньше. Выехали мы 21 июня, в день солнцестояния, и как раз в первый его час. Ибо вы знаете или, вернее говоря, не знаете, что такое отъезд папского нунция, или двух нунциев, коль скоро нас тогда было именно двое... Существует добрый обычай, в силу коего вся священная коллегия кардиналов после торжественной мессы отправляется вслед за отъезжающими и сопровождает их еще целое лье после выезда из города; и всегда собирается огромная толпа и тоже идет вслед или глазеет на наше шествие с обочины дороги. А двигаться надо не спеша, как во время церковной процессии, иначе шествие не получится торжественным. Потом делают привал, и кардиналы выстраиваются в ряд по старшинству, а нунций обменивается с каждым братским лобзанием. Вся эта церемония длится до зари, а то и дольше... Итак, выехали мы 21 июня. А в Бретей мы попали 9 июля. Через восемнадцать дней. Никколо Капоччи, мой спутник, занемог. Надо сказать, что я его, этого неженку, здорово потряс. Никогда еще он на таких рысях не ездывал. Зато уже через неделю гонцы вручили в собственные руки папы мою реляцию о первой встрече с королем.

Сейчас-то нам ни к чему так торопиться. Во-первых, в это время года дни уже короткие, даже если погода сейчас нам благоприятствует... Просто не помню, чтобы у нас в Перигоре когда-нибудь стоял такой прекрасный ноябрь, как нынче. А какой свет! Но когда мы продвигемся ближе к северу, боюсь, как бы нам не попасть в непогоду. Я кладу на путешествие месяц с лишним, так что до Меца мы доберемся к Рождеству, если будет на то воля Божья. Нет-нет, совсем незачем мне так спешить, как прошлым летом, коль скоро вопреки всем моим стараниям война по-прежнему идет и сам король Иоанн в плену.

Как могла приключиться подобная беда? О, дорогой племянник, не вы первый и не вы последний в недоумении пожимаете плечами. Вся Европа не может до сих пор опомниться от удивления и с утра до вечера обсуждает – почему да как... Беды королей приходят издалека, и подчас люди принимают за злополучную судьбу то, что, по сути дела, роковое следствие самой их натуры. И чем страшнее беды, тем глубже их корни.

Вся эта история известна мне в мельчайших подробностях... Пожалуйста, натяните на меня полость... Уверяю вас, я того ждал. Ждал, что на этого короля, а следовательно, увы, и на это государство обрушатся невзгоды, что оно придет в упадок. Ведь в Авиньоне мы знаем

все, чем живет королевский двор. Все их интриги, все их комплоты тотчас же становятся нам известны. О любом проектируемом браке мы узнаем раньше, чем сами брачующиеся: «В случае, если девица принадлежит к такому-то царствующему дому и отдаст свою руку государю, принадлежащему к такому-то царствующему дому и который доводится ей троюродным братом, даст ли святой отец разрешение на сей брак?..» Узнаем о любом готовящемся договоре, коль скоро посланцы обеих сторон отряжаются к нам; и о любом преступлении, поскольку к нам бросаются за отпущением грехов... Святая церковь поставляет королям и принцам их канцлеров, равно как и большинство их легистов...

Вот уже целых восемнадцать лет ведет открытую борьбу королевский двор Франции с королевским двором Англии. А в чем она, причина этой борьбы? А причина в том, что король Эдуард претендует на французский престол, это уж безусловно! Но это лишь предлог – надо признаться, прекрасный с точки зрения юриспруденции предлог, – ибо тут можно спорить до скончания веков; но не в том единственная и подлинная причина этой свары. Существующие границы между Гиенью и соседними графствами, границы издавна довольно-таки нечеткие. Взять хотя бы наш Перигор: все эти земли записаны весьма беспорядочно, так что в смысле прав феодалов получается настоящая путаница; и к тому же когда вассал и сюзерен – оба короли, то трудно ждать, чтобы они так легко договорились между собой: тут и соперничество в делах коммерческих, в первую очередь я имею в виду торговлю шерстью и тканями, что, скажем, привело к спорам за Фландрию; тут и то обстоятельство, что Франция поддерживает шотландцев, а шотландцы представляют постоянную угрозу с севера английскому королю... Война началась не по одной какой-нибудь причине, а по сотне причин разом, тлевших, как костер в ночи. А тут еще Робер Артуа – человек, потерявший честь и изгнанный из родной земли, – отправился в Англию раздувать эти головешки. Папа – а папой был тогда Пьер Роже, то есть Климент VI, – сам делал все и других побуждал делать все, лишь бы не дать вспыхнуть этой братоубийственной войне. Он обращался к обеим сторонам с увещанием, склонял их к соглашению, к взаимным уступкам. Он тоже отрядил тогда легата, а легатом этим был не кто иной, как нынешний папа, тогда еще кардинал Обер. Он под рукой подбросил королям мысль о Крестовом походе, в котором приняли бы участие они оба и подняли бы своих сеньоров. Славный был бы способ направить их кровожаждущие притязания по другому руслу и в то же время вновь сплотить христианский мир... Но вместо Крестовых походов – не угодно ли – Креси. Впрочем, ваш батюшка там был: он, очевидно, рассказывал вам, и не раз, об этой катастрофе...

Ах, дорогой мой племянник, вы сами увидите на своем веку – не велика заслуга служить всем сердцем хорошему королю; следуя за ним, вы выполняете долг ваш, и сопряженные с этим трудности вам нипочем, ибо вы знаете, чувствуете, что дела ваши ведут к высшему благу. Трудно другое – хорошо служить плохому монарху... или плохому папе. В годы ранней моей юности я видел людей, беззаветно служивших Филиппу Красивому, и были они счастливы своим служением. А для того, чтобы верно служить этим тщеславным Валуа, надо сделать над собой усилие, и немалое. Советов они не желают слушать и внимают голосу разума лишь тогда, когда повержены в прах и разбиты.

Только после Креси Филипп VI согласился на перемирие, взяв за основу подготовленные мною предложения. И очевидно, не такие уж безнадежно плохие предложения, раз перемирие это длилось – я не говорю о вспыхивавших время от времени местных стычках, – длилось, повторяю, с 1347 по 1354 год. Семь относительно мирных лет. Казалось, наконец-то нам улыбнулось счастье. Но нет, в наш проклятый век только-только стихнет бряцание мечей, как грянет чума.

Вас, в Перигоре, она обошла стороной... Ну конечно, конечно, Аршамбо, и вам тоже пришлось уплатить свою дань сему бичу Божьему, да-да, вы тоже насмотрелись немало ужасов... Но, поверьте, даже сравнения никакого не может быть с густонаселенными городами,

да еще окруженными густонаселенными деревнями, как, скажем, Флоренция, Авиньон или Париж. А знаете ли вы, что бич этот пришел к нам из Китая через Индию, Малую и Среднюю Азию? Говорят, он дошел даже до Аравии. Чума – эта болезнь неверных – была послана нам, дабы покарать погрязшую во грехах Европу. Корабли завезли чуму из Константинополя и с берегов Леванта на греческий архипелаг, а оттуда она прошествовала в Италию, перемахнула через Альпы и обрушилась на нас, прежде чем достигла Англии, Голландии, Дании и наконец затихла у границ далеких северных стран – Норвегии, Исландии. И у вас тоже чума протекала по-разному, другими словами, были и у вас две формы чумы; одна, что убивала человека в течение трех дней, сопровождалась горячечной лихорадкой, так что в жилах спекалась кровь... бедняги, пораженные этим страшным недугом, уверяли, что они заживо претерпевают все муки ада... И другая – тут агония длилась медленнее – пять-шесть дней, но лихорадка была столь же сильной, и были еще бубоны и пустулы в паху и под мышками.

Семь месяцев подряд Авиньон жил под свист этого бича. Каждый вечер, отходя ко сну, мы спрашивали себя: проснемся ли мы завтра? Каждое утро мы ощупывали себе подмышки и пах. Стоило почувствовать хоть небольшой жар, как человек впадал в смертную тоску и глядел на вас безумными глазами. При каждом вздохе невольно приходила в голову мысль: уж не с этим ли глотком воздуха в меня вошла зараза? Расставаясь с другом, каждый задавался мыслью: «Кто? Он или я, а быть может, мы оба?» Ткачи умирали прямо в своих мастерских, рухнув у остановившихся станков; золотых дел мастера выпускали дух возле своих остывших тиглей; менялы – у своих прилавков. Дети умирали, вскарабкавшись на смертный одр, где лежал уже остывший труп матери. А зловоние, Аршамбо, а зловоние, ползшее над Авиньоном! Все улицы были вымощены мертвыми телами.

Половину, поймите, половину жителей Авиньона унесла чума. Только за четыре месяца 1348 года, с января по апрель, насчитали шестьдесят две тысячи умерших. Папа наспех купил участок земли под кладбище, но уже через месяц оно было переполнено – там захоронили одиннадцать тысяч мертвецов. Люди умирали, и никто за ними не ухаживал; их хоронили, и никто их не отпевал. Сын боялся заглянуть к родному отцу, а отец боялся заглянуть к родному сыну. Семь тысяч заколоченных, пустых домов! Все, кто имел хоть какую-нибудь возможность, бежали из Авиньона в свои загородные дворцы.

Климент VI вместе с несколькими кардиналами, в числе коих был и я, остался в городе: «Если Бог восхощет, Он призовет нас к себе». И по его приказу осталось большинство церковнослужителей папского двора, а их было четыре сотни, но они не слишком усердствовали для общего блага. Папа оплачивал медиков и врачей; на свой счет содержал возчиков и могильщиков; велел раздавать жителям съестные припасы, а стражникам предписал принимать разумные меры против распространения заразы. Тогда-то никто не упрекал его в том, что он, мол, не считая, транжирит деньги. Он отчитывал монахов и монахинь, которые не исполняли долга милосердия в отношении больных и умирающих. Ох и наслушался же я, как исповедовались и каялись во грехах люди самого, казалось бы, высокого положения, могущественные, даже князья церкви; как стремились они очистить душу от скверны и вымолить отпущение грехов. Даже ломбардские и флорентийские банкиры щелкали на исповеди от страха зубами и проявляли неведомую им доселе щедрость. А любовницы кардиналов... да-да, племянничек, не у всех, конечно, но кое у кого есть... Так вот, эти прекрасные дамы являлись, дабы возложить свои драгоценности к ногам Пресвятой Девы Марии! При этом они держали у очаровательных своих носиков платочки, пропитанные ароматическими эссенциями, а придя домой, скидывали на пороге свои башмачки. Те, что обзывали Авиньон градом нечестивцев и даже новым Вавилоном, не видали его в годину чумы. Все тогда стали набожными, поверьте мне!

Странное все-таки создание человек! Когда жизнь ему улыбается, когда пользуется он цветущим здоровьем, когда в делах все ему благоприятствует, когда супруга его плодovита и в его краю царит мир, разве не должен он именно тогда с утра до ночи возноситься душой к

престолу Божьему, дабы возблагодарить его за дарованные им милости? Как бы не так – он и не вспоминает о своем Создателе, задирает нос и нарушает все заповеди Господни. Зато, едва обрушится на него горе, едва сразит его бедствие – он тут же кидается к Богу. И молит Его, и себя чернит, и обещает исправиться... Так что Господь Бог с полным основанием посылает на нас беды, раз это, по-видимому, единственный способ принудить человека вернуться в лоно церкви...

Я не сам выбрал себе поле деятельности. Вы, должно быть, слышали, что моя матушка прочила меня в служители церкви, когда я был еще совсем ребенком. И если я не противился ее замыслам, то, думаю, лишь потому, что с младых ногтей питал благодарность к Господу Богу за все, что Он мне даровал, и прежде всего за самую жизнь. Помню себя еще совсем ребенком в нашем старом замке Рольфи в Перигоре, где и вы тоже родились, Аршамбо, но уже не живете там с тех пор, как ваш отец пятнадцать лет назад обосновался в Монтиньяке... Так вот, в этом огромном замке, построенном на древней римской арене, помню, я, еще совсем мальчиком, замирал от счастья, что живу в безбрежном мире, дышу, вижу небеса; помню, что особенно остро ощущал я это летними вечерами, когда долго-долго не меркнет дневной свет и меня укладывали в постельку еще засветло. В виноградных лозах, карабкавшихся по стене под окошком моей спальни, жужжали пчелы, и вечерняя тень, не торопясь, ложилась на огромные плиты нашего овального двора; еще не потемневшие небеса вспарывал полет птиц, и первая звездочка проклевывалась сквозь облака, которые еще долго розовели на закатном небосводе. Мне страстно хотелось благодарить за все это кого-то, и моя матушка объясняла мне, что все это дело рук Господа Бога, создателя вот этой красоты, и благодарить я должен Его. И никогда с тех пор не покидало меня это чувство.

Даже сегодня, во время долгого нашего пути, я не раз в сердце своем возносил благодарность Творцу за то, что послал Он нам мягкую погоду; за то, что проезжаем мы по этим лесам, одетым в золото, по этим еще зеленеющим лугам; за то, что сопровождают меня верные служители; за то, что впряжены в мои носилки добрые выносливые лошадки. Мне приятно смотреть на лица людей, на спорные движения животных, на кроны деревьев, любоваться всем этим великим разнообразием – лучшим и непостижимо прекрасным творением Господа нашего.

Всем нашим ученым богословам, спорящим по теологическим вопросам в душных залах, упивающимся пустопорожними речами, наводящими смертную тоску, поносящим друг друга до горечи во рту словесами, выдуманными лишь для того, чтобы назвать иначе то, что давным-давно известно каждому, так вот – всем этим людям было бы весьма и весьма полезно лечить мозги свои созерцанием природы. Для меня лично теология – это то, чему меня обучали, исходя из проповедей Отцов Церкви, и я отнюдь не собираюсь что-либо в этом менять...

А знаете ли вы, что я мог бы быть папой... Да-да, дорогой мой племянник. Кое-кто говорит мне это, говорят даже, что я смогу стать папой, если Иннокентий уйдет в лучший мир раньше меня. Да будет на то воля Божья. Я отнюдь не сетую на Господа за то, что Он сделал из меня то, что я есмь. И благодарю Его за то, что повел меня по пути, коим я иду ныне, и за то, что дал дожить мне до моих лет, а до них доживают не многие. Пятьдесят пять, племянничек, пятьдесят пять... Да еще и сохранил мне здоровье. Это ведь тоже благословение Господне. Люди, которые не видели меня лет десять, глазам своим не верят, до того я мало изменился внешне: на щеках прежний румянец, борода едва заседела.

Мысль о том, увенчает ли мою главу или не увенчает папская тиара, честно говоря, лишь тогда щекочет мое самолюбие – признаюсь вам, как доброму родственнику, – лишь тогда, когда я чувствую, что мог действовать бы лучше, чем тот, кто эту тиару носит. А ведь при Клименте VI это чувство было мне незнакомо. Климент отлично понимал, что папа должен быть монархом над монархами, главным наместником Господа на земле. Когда Жан Бирель или какой другой из проповедников скудости упрекал его за расточительство и слишком велико-

душные подачки просителям, он отвечал: «Никто не должен от владыки уходить недовольным». А потом, повернувшись ко мне, цедил сквозь зубы: «Мои предшественники не умели быть папами». И во время этой великой чумы, как я уже говорил, он и впрямь доказал нам, что он лучший из лучших. Положа руку на сердце, скажу прямо: не думаю, чтобы я мог сделать столько, сколько он, и я вновь и вновь благодарю Господа нашего, что не меня Он избрал, дабы вести страждущее христианство через подобное испытание.

При всех обстоятельствах жизни Климент сохранял величие и воочию показал всем нам, что был поистине святым отцом, отцом всех христиан и даже нехристиан, ибо, когда почти повсюду, но главным образом в прирейнских провинциях, в Майнце, в Вормсе, народ обрушился на евреев, обвиняя их в том, что они-де навлекли на нас бич Божий, папа осудил эти преследования. Больше того, он взял евреев под свое высокое покровительство: отлучал от церкви притесняющих их, дал изгнанным евреям приют и прибежище в своих владениях, и, скажем откровенно, именно благодаря этому папская казна через несколько лет изрядно пополнилась.

Но почему я так разболтался об этой самой чуме? Ах да! Потому что чума сыграла пагубную роль для французской короны и для самого короля Иоанна. И впрямь, когда эпидемия уже кончалась, то есть осенью 1349 года, одна за другой три королевы, вернее, две королевы и одна принцесса, которой еще предстояло стать королевой...

О чем это ты, Брюне? Громче говори... Виден Бурдей? Конечно же, хочу посмотреть. Местоположение действительно удачное, замок стоит так, что оттуда вполне можно держать все подступы к нему под наблюдением.

Так вот, милейший Аршамбо, младший мой брат, а ваш батюшка передал мне этот замок, желая отблагодарить меня за то, что я освободил Перигор. Ибо, если мне не удалось вызволить короля Иоанна из лап англичан, то по крайней мере я вызволил наш графский город и добился того, чтобы мы снова им правили.

Если вы помните, английский гарнизон не желал уходить. Но я явился в сопровождении двух сотен копий, и, хотя кое-кто посмеивался над моим воинством, должен сказать, и на сей раз оно пригодились, да еще как! Стоило мне прибыть туда из Бордо в окружении своих копьеносцев, как англичане без дальнейших слов убрались прочь. Две сотни копий и один кардинал – это не так-то уж мало... Да к тому же и большинство моих служителей умеют обращаться с оружием, равно как мои секретари и ученые правоведы, что и сейчас меня сопровождают. А верный мой Брюне – рыцарь. Я его недавно посвятил в рыцари.

Отдав мне Бурдей, мой брат, в сущности, укрепил свои владения. Считайте сами: кастелянство Оберош возле Савиньяка и город-крепость Боневаль, неподалеку от Тенона, я его откупил за двадцать тысяч флоринов десять лет назад у короля Филиппа VI. Я говорю – откупил, но на самом-то деле это покрыло лишь часть той суммы, что был он мне должен... далее, укрепленное аббатство Сент-Астье, аббатом коего являюсь я, мои приорства Флекс и Сен-Мартен-де-Бержерак – это теперь целых шесть крепостей, все расположены на нужном расстоянии вокруг Перигора, и все находятся под высоким покровом церкви, так, словно бы они часть владений самого папы. Поди-ка тронь, тут еще надвое подумаешь. Вот таким-то образом я и установил мир в нашем графстве.

Вы, конечно, знаете Бурдей: очевидно, не раз там бывали. А я давненько туда не заглядывал... Смотрите-ка, ну совершенно забыл этот огромный восьмиугольный донжон. Вид у него внушительный. Теперь-то он мой собственный, но только на одну ночь и утро, что мы здесь проведем; я успею лишь водворить избранного мною управителя, а когда я сюда вернусь и вернусь ли – это уж никому не известно. Словом, времени для приятного досуга не останется. Но возблагодарим Господа нашего за то, что Он, милостивец, даровал нам такую погоду. Надеюсь, нам сумеют сервировать хороший ужин, ибо даже в носилках от дорожной тряски подводит живот.

Глава III

Смерть стучится во все двери

Я так и знал, я ведь говорил, Аршамбо, что не следует сегодня нам забираться за Нонтрон. И доедем-то мы туда уже после вечерней молитвы, в полном мраке. Ла Рю мне все уши прожужжал: «Монсеньор едет чересчур медленно... Для монсеньора переезд в восемь лье слишком мал...» Да ну его! Этот Ла Рю вечно мчится так, будто под ним задняя лука седла загорелась. С одной стороны, это, конечно, не так уж худо, с ним мой эскорт носом клевать не будет. Но я же знал, что нам не удастся выехать из Бурдей раньше полудня. Слишком многое мне нужно там было сделать, решить, подписать множество бумаг.

Я, видите ли, люблю Бурдей и твердо знаю, что там я мог бы быть счастлив, если Господь по милости своей разрешил бы мне не только владеть им, но и жить там. Тот, у кого есть лишь одно скромное владение, умеет насладиться им всем сердцем. А тот, у кого много обширных владений, наслаждается ими лишь в мыслях своих. Небеса всегда и везде уравнивают то, чем награждают нас.

Когда вы, Аршамбо, будете возвращаться в Перигор, сделайте милость, загляните в Бурдей и проверьте, пожалуйста, выполнили ли мое приказание и починили ли крышу. И камин в моей спальне. Он дымит... Какое счастье, что англичане пощадили Бурдей. Вы ведь видели Брантом, мимо которого мы только что проезжали, видели, что они там натворили, во что превратили этот некогда такой милый, такой красивый городок, мирно приютившийся на берегу реки. Мне как раз передавали, будто в ночь на 9 августа здесь останавливался принц Уэльский. А наутро его рубаки и мужичье, уходя, предали город огню.

По мне, это уж слишком. Ну что за нелепая страсть – все разрушать, крушить, изгонять людей или разорять их – прямо пристрастились к разбою. Ладно, допускаю, что на войне, на поле битвы убивают друг друга. Если бы Господь Бог предназначил меня не Святой церкви, а повелел мне вести в бой свое войско, я бы тоже никому пощады не давал. Ну ладно, пусть, в конце концов, пограбят: надо же дать хоть какое-то рассеяние смертельно усталым людям, ежеминутно рискующим собственной жизнью. Но носиться по чужой земле лишь для того, чтобы обездолить весь народ, жечь его кров и его нивы, обрекать его на голод и холод, при одной мысли об этом меня злоба охватывает. Я-то понимаю, в чем тут дело: раз провинции разграблены и разорены, король не сможет выколотить из них подати, и для того, чтобы ослабить короля, уничтожают добро его подданных. Но это же бессмысленно. Ежели англичанин предъявляет права на престол Франции, почему, зачем он предает ее мечу и огню? И неужели он надеется, если даже заполучит Францию путем всяких договоров, после того как захватил ее силой оружия, неужели он надеется, что при таком образе действий его станут терпеть? Он сам сеет к себе ненависть. Конечно, король Франции из-за него лишится денег, но зато англичанин сам выковал души, полные гнева и жаждущие отмщения. Конечно, можно найти нескольких сеньоров, дав им кое-какие поблажки в денежном смысле, и таких-то король Эдуард найдет. Но весь народ отныне ответит отказом на все его договоры, ибо ими ничего не искупишь. Посмотрите сами, что уже сейчас делается: славные люди простили короля Иоанна за то, что он дал себя разбить, они его жалеют, зовут его Иоанн Храбрый или Иоанн Добрый, тогда как его следовало бы звать Иоанн Глупый, Иоанн Упрямый или Иоанн Бесталаный. И вот увидите, они последнюю каплю крови отдадут, лишь бы выкупить его из плена.

Вы спросите меня, почему это я вчера вам говорил, что чума сыграла такую важную роль в судьбе короля и в судьбах французского королевства? Да потому, дорогой племянник, что злая смерть унесла в числе прочих женщин и собственную его супругу – Бонну Люксембургскую – еще прежде, чем он взошел на престол.

Чума похитила Бонну Люксембургскую в сентябре 1349 года. Ей предстояло стать королевой, и она была бы хорошей королевой. Как вам известно, она доводилась дочерью королю Богемии, Иоганну Слепому, а он пламенно любил Францию, по его словам, только при парижском дворе можно жить так, как подобает сеньору. Король-рыцарь, рыцарь с ног до головы, но слегка не в себе. Слепец, ничего не видевший, а заупрямился и решил во что бы то ни стало принять участие в битве при Креси и велел поэтому накрепко привязать своего коня к коням двух своих оруженосцев таким образом, чтобы те скакали по обе от него стороны. Так они и врезались в самую гущу схватки. Наутро нашли три их трупа по-прежнему накрепко связанными друг с другом. Надо вам сказать, шлем короля Богемии был украшен тремя белыми страусовыми перьями. Эта возвышенная кончина так потрясла юного принца Уэльского... а было ему тогда всего шестнадцать, он показал себя с самой лучшей стороны в первом своем бою, пусть даже король Эдуард ради высших политических соображений и приукрасил чуточку роль своего наследника в этом сражении... Так вот, принц Уэльский был так потрясен, что вымолил у отца разрешение носить отныне на своем шлеме три страусовых пера, бывших эмблемой покойного государя-слепца. Вот почему теперь на шлеме принца Уэльского мы видим три этих знаменитых пера.

Но важнее всех прочих достоинств покойной супруги короля Иоанна был ее брат Карл Люксембургский, и мы с папой Климентом немало способствовали тому, что он был избран императором Священной империи. Нет-нет, конечно, мы знали, что еще наплачемся с этим мужланом, с этим лукавцем, с этим ярмарочным барышником... О, ничего общего с отцом, вы скоро сами в этом убедитесь, но мы предвидели также, что Франции суждено еще пережить горькие минуты; стало быть, следовало подкрепить правление будущего нашего короля, возведя его зятя на императорский престол. Умерла сестра, союз с братом распался. Сколько мы натерпелись горя из-за его «Золотой буллы». Но, сам опираясь на Францию, нам он ничего не дал. Вот потому-то я и еду сейчас в Мец.

Король Иоанн – впрочем, тогда он был еще герцогом Нормандским – не слишком убивался, потеряв свою супругу, мадам Бонну. Жили они не так чтобы дружно; дело даже доходило порой до публичных ссор. Хотя она была не лишена миловидности и хотя Иоанн каждый год делал ей по ребенку, общим числом одиннадцать душ, – правда, лишь тогда, когда ему намекали, что не мешало бы взойти на брачное ложе, – однако его высочество Иоанн скорее питал нежные чувства к своему кузену, лет на восемь моложе его и собой весьма пригожему... Звали его Карл де Ла Серда, или же мессир Испанский, так как он принадлежал к кастильской королевской династии, отстраненной от престола.

Едва тело мадам Бонны предали земле, герцог Иоанн тут же удалился в Фонтенбло вместе со своим красавчиком Карлом Испанским, испугавшись, видите ли, заразы... О, порок этот не так уж редко встречается, Аршамбо. Я никак не возьму этого в толк, что доводит меня чуть не до бешенства, это один из тех пороков, которые я меньше всего склонен прощать. Но приходится признать, что он распространен даже среди монархов и сильно им вредит. Судите сами, до чего мужеложство довело Эдуарда II Английского, отца нынешнего короля Англии. Именно из-за содомского этого греха он лишился не только трона, но и жизни. Наш король Иоанн не так открыто предается содомскому греху, но кое-какие признаки все-таки имеются, и особенно это стало заметно, когда он воспылал пагубной страстью к своему красивому испанскому кузену.

Что там такое, Брюне? Почему мы стоим? Где мы? В Кэнсаке? Но остановка здесь не предвиделась... Чего хотят эти вилланы? Ах, благословения! Очень прошу не останавливать наш кортеж по таким пустякам! Ты же знаешь, что я раздаю благословения на ходу... *In nomine patris... iiii... sancti...*¹ Ступайте, люди добрые, вас же благословили, ступайте себе с Богом...

¹ Во имя Отца... святого... (лат.)

Если мы будем останавливаться всякий раз, когда меня просят благословлять встречаемых, мы до Меца и через полгода не доберемся.

Итак, я говорил вам, что будущая королева Франции скончалась в сентябре 1349 года, оставив вдовцом наследника престола. А в октябре пришел черед королевы Наваррской, Жанны, которую прозвали Жанна Младшая, дочери Маргариты Бургундской и, что вполне вероятно и столь же маловероятно, Людовика Сварливого, той самой, которую исключили из числа престолонаследников, так как ходили слухи, будто она незаконнорожденная... да-да, дитя Нельской башни... Ее тоже унесла чума. И ее тоже недолго оплакивали. Она вдовствовала уже шесть лет, так как ее супруг, он же ее кузен, его высочество Филипп д'Эвре был убит где-то в Кастилии в сражении с маврами. Наваррскую корону им уступил при восшествии на престол Филипп VI, желая предупредить претензии Наваррского дома на корону Франции. Словом, и эта сделка тоже была одной из многих, помогших Валуа взойти на трон.

Никогда я не одобрял наваррскую комбинацию, никуда не годную в смысле законности, да и вообще негодную! Но тогда я еще не мог высказать, что думаю на сей счет, меня только-только назначили епископом Оксерским. А если бы я даже и сказал... В смысле правовом это полная чепуха. Наварру принесла в приданое мать Людовика Сварливого. Если Жанна Младшая не его дочь, а какого-нибудь конюшего, она не может претендовать ни на французский престол, ни равно и на наваррский. Следовательно, признать за ней право на корону, скажем наваррскую, – значит *ipso facto*² подтвердить ее право на корону Франции и также права ее наследников. Вообще-то, утверждали, слишком даже упорно, что ее лишили престолонаследия не столько потому, что ходили слухи о ее незаконном происхождении, сколько потому, что она принадлежит, мол, к женскому полу, поэтому прибегли к этому хитроумно изобретенному салическому закону.

А что касается практической стороны дела... Ни за что на свете, ни по какой причине Филипп Красивый не согласился бы отрезать от своего государства то, что к нему присоединил. Трон не делается прочнее, если подпилить у него одну ножку. Жанна и Филипп Наваррские вели себя достаточно тихо: она потому, что память о ее матушке была еще слишком свежа, а он потому, что пошел в своего отца, Людовика д'Эвре, человека весьма достойного и разумного. Они, казалось, вполне довольствовались своим богатым нормандским графством и своим маленьким пиренейским королевством. Но все переменилось с тех пор, как на сцене появился их сынок Карл, уже в восемнадцать лет показавший себя отъявленным смутьяном, который осуждающим взглядом оценивал прошлое своей семьи и честолюбивым – свое собственное будущее. «Не будь моя бабка такой прожженной шлюхой, родись моя матушка мужчиной... теперь я бы уже был королем Франции». Собственными ушами слышал, как он это говорил. Итак, следовало договориться с Наваррой, которая по самому своему положению, на юге страны, приобретала тем больший вес, что англичане теперь захватили всю Аквитанию. И тогда, как это обычно бывает в подобных случаях, решили уладить дело брачным союзом, устраивающим всех.

Герцог Иоанн не так уж рвался к новому браку. Но коль скоро ему предстояло взойти на французский престол, король, по всеобщему представлению, обязан иметь супругу, особенно в таком щекотливом случае: супруга сумеет помешать ему открыто появляться повсюду под ручку с Карлом Испанским. С другой стороны, как лучше подольститься к слишком беспокойному Карлу д'Эвре Наваррскому и как надежнее связать ему руки – да просто взять в будущие королевы одну из его сестер! Самой из них старшей, Бланке, было шестнадцать лет. Красавица и умница к тому же. Сватовство сильно продвинулось вперед, разрешение на брак от папы было получено, чуть-чуть не объявлен день свадьбы, хотя каждый думал про себя: кто-то доживет до следующей недели в ту страшную годину бедствий?

² Фактически, тем самым (лат.).

Ибо смерть продолжала стучаться во все двери. В начале декабря чума похитила саму Жанну Бургундскую Хромоножку, скверную королеву. Вот тут можно смело сказать, что одно только благоприличие сдерживало людей, хотя всем хотелось кричать от радости, и чудо какое-то, что народ не плясал на улицах. Ее все ненавидели, – должно быть, отец вам рассказывал об этом. Она выкрадывала у мужа королевскую печать, чтобы бросать людей в тюрьмы; по ее приказу готовили отравленные ванны для неугодных ей гостей. Таким манером она одного епископа чуть не отправила на тот свет. Король, случалось, нещадно ее избивал, но даже побоями не удавалось ее исправить. Честно говоря, я порядком опасался этой королевы. Будучи подозрительной по натуре, она во всех придворных видела воображаемых врагов. Была она злобная лгунья, мерзкая – словом, преступница была. Ее смерть все люди считали карой небесной, только слегка запоздавшей. Впрочем, сразу же после ее кончины эпидемия пошла на убыль, как будто бич Божий, явившийся к нам издалека и сразивший несчетное количество людей, преследовал одну лишь цель – сразить наконец эту гарпию.

Среди всех французов наибольшее облегчение испытал сам король. Ровно через месяц, день в день, в январскую стужу он повел к алтарю новую суженую. Пусть он похоронил свою ненавидимую всеми супругу, все равно такая спешка противоречила всем правилам приличия. Но самым худшим оказалась даже не эта спешка. С кем же сочетался Филипп законным браком? С невестой своего собственного сына, с Бланкой Наваррской, с этой девчужечкой, в которую влюбился до потери сознания, как только она появилась при дворе. Столь снисходительные к подобного рода шалостям французы не прощают своим монархам такого распутства.

Филипп VI был на сорок лет старше своей красоти, которую он столь беззастенчиво увел из-под носа законного наследника престола. И он даже не мог сослаться, как то сплошь и рядом делается при неравных династических браках, на высшие интересы государства. Таким образом, в его короне появился новый алмаз – алмаз бесчестия, а своего наследника он тем самым сделал всеобщим посмешищем. Свадьбу на скорую руку сыграли в Сен-Жермен-ан-Ле. Понятно, в числе присутствующих недосчитались Иоанна Нормандского. Он и вообще-то недолюбливал своего батюшку, который, кстати, платил ему той же монетой, а теперь просто люто возненавидел его.

И наследник в свою очередь через месяц тоже вступил во второй брак. Торопился смыть с себя клеймо поношения. И сделал вид, что с радостью связывает свою судьбу с герцогиней Булонской, вдовой герцога Булонского. Мой достопочтенный собрат, кардинал Булонский, устроил этот брак к вящей пользе Булонского дома, да и своей собственной заодно. Герцогиня Булонская могла считаться весьма выгодной партией, и с ее богатством престолонаследник, растранивший все, что имел, мог бы легка поправить дела. Но получилось так, что он стал теперь транжирить вдвойне.

Новая герцогиня Нормандская была значительно старше своей свекрови. Особенно странное впечатление производили они на приемах, тем паче что невестке далеко было до свекрови и лицом, и фигурой. Этого герцог Иоанн окончательно не мог перенести: он убедил себя, что влюблен в Бланку Наваррскую, столь гнусно вырванную чуть ли не из его объятий, и испытывал адовы муки, видя ее вместе с собственным папашей, который без малейшего стеснения дурацким образом ласкал ее при всех присутствующих. Это зрелище никак не способствовало любовным утехам герцога Иоанна с герцогиней Булонской, и он окончательно прилепился к Карлу Испанскому. Необузданное мотовство служило ему своего рода реваншем. Казалось, он хочет вернуть себе утраченную честь, транжиря деньги направо и налево.

Впрочем, после долгих месяцев ужаса и горя, принесенных чумой, повсюду начались безрассудные траты. Особенно в Париже. Королевский двор был охвачен безумием. Обычно утверждают, что при таком разгуле роскоши простой люд, мол, без работы не сидит. Однако результатов этого труда было что-то незаметно в хибарках и хижинах. Между запутавшейся в долгах знатю и нищими простолюдинами имеется промежуточный слой, и ему-то идут все

прибыли, их расхватывают крупные коммерсанты, как, скажем, марсельцы, торгующие сукном, шелками и прочими товарами роскоши и изрядно наживающиеся на этом. Мода стала более чем причудливой, и герцог Иоанн, хотя ему шел уже тридцать второй год, щеголял с Карлом Испанским в отделанном кружевами куцем плаще, не прикрывавшем зада. Народ смеялся им вслед.

Бланка Наваррская стала королевой раньше, чем предполагала, а процарствовала меньше, чем рассчитывала. Войны и чума пощадили Филиппа Валуа, а вот любовь доконала его. Пока он жил со своей злокой Хромоножкой, он был, что называется, видный мужчина, правда чуть зажилел, но не в ущерб подвижности; пользовался отменным здоровьем, ловко орудовал мечом, любил быструю верховую езду, охотился с утра до вечера. Но полгода галантных подвигов и молодая супруга сделали свое дело. Он вставал с постели лишь с одной мыслью – снова лечь в постель. Чистое наваждение, настоящее безумие. Он требовал от своих лекарей, чтобы те составляли для него разные снадобья, поддерживающие его силы в... Что-что? Вы, я вижу, удивляетесь тому, что... Но именно так, дорогой племянник, именно так. Хотя мы и принадлежим церкви или, вернее, потому, что мы ей принадлежим, мы обязаны быть сведущими в таких вопросах, особенно когда речь идет об особах королевского дома.

Бланка Наваррская не без тревоги переносила эту лестную для нее страсть, доказательств коей предъявлялись ей чуть ли не ежечасно: король публично похвалялся, что его молодая супруга устает быстрее, чем он. Вскоре он начал худеть. Перестал интересоваться государственными делами. Каждая неделя старила его чуть ли не на целый год. И скончался он 22 августа 1350 года в возрасте пятидесяти семи лет, из коих двадцать два правил Францией.

Несмотря на свою внушительную внешность, этот государь, которому я верно служил... ведь он был королем Франции, в конце концов, и, кроме того, я никогда не забывал, что именно он выпросил для меня кардинальскую шапку, – так вот, этот государь был более чем посредственный военачальник и никуда не годный финансист. Он потерял Кале, он потерял Аквитанию; после себя он оставил Бретань, охваченную смутой, и десятки областей или ненадежных, или разоренных. И сверх того потерял свой престиж. Ах да, он все-таки купил Дофине. Ведь нельзя же, чтобы были одни только несчастья да беды. Так вот, знайте, племянник, именно я провел всю эту операцию за два года до Креси. Дофин Юмбер окончательно запутался в долгах и уже не знал, у кого признаться денег, чтобы расплатиться с особенно настойчивым займодавцем... Я вам потом об этом подробно расскажу как-нибудь в другой раз, ежели вам интересно меня слушать, расскажу, как я взялся за дело, как и почему корона дофина досталась старшему сыну короля Франции, как жители графства Вьеннского очутились в лоне нашего государства. Могу сказать, не хвалясь, что я лучше служил Франции, нежели служил ей король Филипп VI, ибо он ее уменьшил, а мне удалось ее увеличить.

Уже шесть лет! Уже шесть лет назад скончался король Филипп, и герцог Иоанн стал королем Иоанном II! Эти шесть лет пролетели с такой быстротой, что кажется, он только-только начал царствовать. Не потому ли это происходит, что наш новый король не совершил за это время ни одного сколько-нибудь достопамятного деяния или, быть может, к старости само время как бы ускоряет бег свой. Когда человеку двадцать лет, каждый месяц, каждая неделя чреватые чем-то новым, и кажется, дни тянутся и тянутся бесконечно... Вы сами убедитесь, Аршамбо, если только вам посчастливится дожить до моих лет, чего я вам желаю от всей души... Оборачиваешься и говоришь: «Как? Год уже прошел! Так быстро?» Быть может, это потому, что каждую минуту вспоминаешь прошлое, вновь переживаешь пережитое...

Ну так и есть, уже темнеет. Я же знал, что мы доберемся до Нонтрона в полном мраке.

Брюне, Брюне!.. Завтра мы должны выехать до зари, ведь нам предстоит длинный переезд. Поэтому пусть лошадей запрягут вовремя и пусть каждому выдадут на руки съестные припасы, так как у нас не будет времени устраивать в пути привалы. А кто поскакал в Лимож предупредить о моем приезде? Арман де Гийерми, что ж, прекрасно, прекрасно... Пошлю также

нескольких своих пажей, пусть поглядят, какое отвели мне жилище и как готовятся к моему приезду, но пошлю только за день или два, никак не раньше. Как раз достаточно времени, чтобы люди зашевелились, но недостаточно для того, чтобы со всех епархий слетелись недовольные и замучили меня своими прошениями... «Ах, кардинал? Да, мы сами только накануне узнали. Увы, он уже уехал...» А иначе, дорогой племянник, я, чего доброго, превращусь в бродячее судилище...

Глава IV

Кардинал и звезды

Эге, племянник, вам, я вижу, пришлось по вкусу не только мои носилки, но и та пища, что нам сюда подают. И мое общество, конечно, мое общество тоже... Возьмите-ка еще кусочек шпигованной утки, той, что нам преподнесли в Нонтроне. Шпигованная утка – это, так сказать, гордость нонтронских поваров. Удивительно, как это мой повар ухитряется сохранять нам кушанья теплыми...

Брюне, Брюне! Скажите моему повару, что я весьма и весьма доволен тем, что он подает мне во время дороги теплую пищу. Прямо искусник какой-то... Ах, в его повозке есть жаровня... Нет-нет, я вовсе не жалуюсь, что он кормит меня дважды подряд одним и тем же, особенно если он вкусным кормит. Вчера вечером мне эта шпигованная утка показалась очень и очень приятной. Возблагодарим Господа Бога за то, что у нас ее оказалось в достатке.

А вино, пожалуй, слишком молодое и слишком легкое. Конечно, это не вино Сент-Фуа или Бержерака, к которым вы привыкли, Аршамбо, не говоря уже о сент-эмильонском и люсакском, они и впрямь упоительны, но теперь, увы, их целыми кораблями гонят в Англию через Либурн... Французская глотка уже не имеет на них права.

Ведь верно, Брюне, ничто ни в какое сравнение со стаканом доброго бержерака не идет? Рыцарь Эймар Брюне родом из Бержерака и считает хорошим лишь то, что растет и родится у них на родине. Я чуточку над ним за это пристрастие подсмеиваюсь...

Все нынешнее утро я пробеседовал с папским аудитором доном Франческо Кальво. Мне хотелось, чтобы он напомнил мне, какие дела ждут меня в Лиможе. Там мы проведем два полных дня, а может быть, и три. При любых обстоятельствах, если только, конечно, не случится ничего срочного или не прибудет особо важное послание, я предпочитаю по воскресным дням не трогаться с места. Хочу, чтобы моя свита присутствовала на воскресной мессе и спокойно отдохнула.

Ах, не скрою от вас, при одной мысли о том, что я вновь увижу Лимож, меня охватывало волнение. Ведь Лимож был первой моей епархией. Я был тогда... был тогда... словом, был моложе, чем вы сейчас, Аршамбо, мне только-только исполнилось двадцать три. А я-то обращаюсь с вами как с желторотым юнцом! С возрастом человек, как это ни странно, начинает обращаться с молодыми как с детьми, забывая, каков был сам в такие годы. И если, дорогой племянник, вы заметите, что я тоже не чужд этого недостатка, остановите меня, поправьте. Епископ... Первая моя митра! Как же я ею гордился, и из-за нее-то я до времени впал в грех гордыни... Конечно, ходили слухи, будто я получил свое назначение благодаря особой благосклонности папы Иоанна XXII, подобно тому как первые свои бенефиции получил благодаря покровительству папы Климента V, потому что он-де питал дружеские чувства к моей матушке, что будто папа Иоанн XXII дал мне епархию лишь потому, что мы-де согласились на брак моей младшей сестры, вашей тетушки Арамбюрж, с одним из его внучатых племянников – Жаком де Ла Ви. Если уж быть до конца откровенным, это отчасти верно. Быть племянником папы – удача, безусловно, немалая, но польза от этого будет лишь в том случае, если при этом удастся породниться с высшей знатью, такой, например, как наше семейство... Ваш дядя Ла Ви был славный человек.

Хотя я был совсем юнцом, хочу надеяться, что от моего управления епархией осталась неплохая память. Когда я встречаю теперь множество епископов, даже убеленных сединой, которые не умеют держать в руках ни свою паству, ни свой причт и которые донимают нас жалобами и затевают бесконечные тяжбы, я склонен думать, что управлял я своей епархией достаточно хорошо и не слишком при этом надрывался. У меня были превосходные викарии... Плесните-ка, кстати, мне еще этого винца, чтобы запить жаркое... Так вот, я говорю, превос-

ходные викарии, и я предоставлял им полную свободу самим управляться с делами. Я приказал, чтобы меня беспокоили только по наиважнейшим делам, чем внушил к себе уважение и даже, пожалуй, страх. Таким образом, у меня оставалось достаточно досуга, чтобы расширять свои знания. К этому времени я был уже по-настоящему силен в каноническом праве и добился разрешения пригласить в свою резиденцию ученых правоведов, дабы поднатореть в праве гражданском. Они приезжали из Тулузы, где я сам получил ученую степень; и надо сказать, Тулузский университет ничуть не хуже Парижского, коль скоро там тоже немало весьма ученых мужей. И вот в признательность за это... я решил... и, раз уже представился такой случай, хочу поставить вас об этом в известность, Аршамбо, – я решил основать в Тулузе коллеж для неимущих перигорских школяров... Такой пункт внесен даже в мое завещание на тот случай, если я не успею сделать это при жизни... Возьмите-ка, дорогой племянник, полотенце и вытрите руки.

Как раз в Лиможе я начал изучать астрологию. Ибо для того, кому суждено властвовать, особенно потребны две науки: наука юридическая и наука о светилах небесных, ибо первая учит законам, управляющим взаимоотношениями и обязательствами между людьми, их обязательствами в отношении государства или церкви, а вторая знакомит с законами, управляющими отношениями человека и Провидения. Право и астрология – законы земные, законы небесные. Утверждаю, что этого вполне достаточно. По воле Божьей каждое живое существо рождается в свой определенный час, отмеченный на небесном циферблате, и по великой милости своей Господь позволил нам вникать в этот ход времен.

Знаю, знаю, немало худых христиан подтрунивает над астрологией лишь потому, что наука эта попала в руки различных шарлатанов и торговцев ложью. Но ведь так было всегда, и из старинных книг мы знаем, что еще древние римляне и другие народы времен античности разоблачали гадалщиков, составлявших лжегороскопы, и лжеволхвов, предсказывавших будущее за деньги. И тем не менее они охотно шли к тем, кто умел верно и безошибочно читать по звездам, и нередко такие люди занимались этим даже в храмах... И не закрываем же мы все церкви только потому, что существуют распутные или уличенные в святокупстве, то есть торгующие духовными должностями, священнослужители.

Мне приятно, что вы разделяете мое мнение. Христианину подобает со смирением принимать предначертания Вседержителя, творца всего сущего, что парит над звездами небесными...

Вам хотелось бы... Ну конечно, дорогой племянник, для вас с превеликой охотой. Знаете ли вы час вашего рождения?... Эх, надобно знать. Отрядите кого-нибудь к вашей матушке с просьбой сообщить вам тот час, когда вы испустили первый крик. Матери такого не забывают...

Я лично могу только похвалить себя за то, что изучил астральную науку. Благодаря ей я и мог давать полезные советы государям, пожелавшим преклонить ко мне слух свой, а равно это дало мне возможность проникнуть в натуру людей, с которыми я общался, и остерегаться тех, чья судьба противоположна моей. Вот возьмите хотя бы Капоччи. Я давным-давно знаю, что он враждебен мне буквально во всем, и я всегда держался с ним настороже... Изучая расположение небесных светил, я с успехом провел десятки переговоров и заключил множество весьма благоприятных для нас соглашений, в частности в пользу моей сестры Дюраццо, или, скажем, устроил брак Людовика Сицилийского. И в благодарность мои подопечные значительно умножили мое состояние. Но прежде всего это сослужило мне добрую службу при папе Иоанне XXII – упокой, Господи, душу его, он был моим благодетелем – и оказало мне бесценную услугу. Ибо этот папа и сам тоже был великий алхимик и астролог. Когда он узнал, что я небезуспешно изучаю ту же науку, он почувствовал ко мне расположение, и именно поэтому он так благосклонно выслушал пожелание короля Франции сделать меня кардиналом в тридцать лет, что,

надо сказать, бывает не каждый день. Итак, я отправился в Авиньон получать свою кардинальскую шапку. Знаете, как это происходит? Нет? Не знаете?

Папа устраивает великое пиршество, на которое приглашаются все кардиналы по случаю принятия в курию нового собрата. По окончании трапезы папа садится на свой престол и возлагает шапку на нового кардинала, а тот стоит коленопреклоненный и целует сначала папскую туфлю, а потом его уста. Я был слишком молод, чтобы Иоанн XXII – а ему было тогда восемьдесят семь лет – обратился ко мне со словами *venerabilis frater*³; поэтому-то он назвал меня *dilectus filius*⁴. Но прежде чем приказать мне подняться с колен, он шепнул мне на ухо: «А знаешь, во сколько обошлась мне твоя шапка? В шесть ливров семь су и десять денье». Такова уж была манера у этого папы – любил сбить спесь с человека, когда было от чего возгордиться, вставив насмешливое словцо среди торжественных словес. До конца дней моих сохраню я о нем светлую память. Святой отец, весь ссохшийся, морщинистый, в белом своем головном уборе, обхватывающем щеки. Было это 14 июля года 1331-го...

Брюне! Скажи, чтобы остановили лошадей. У меня ноги затекли, и я хочу немножко пройтись вместе с моим племянником. А тем временем пусть вытряхнут из носилок крошки. Дорога ровная, да и солнышко соблаговолило послать нам свой луч. Вы нас потом догоните. Отрядите только дюжину человек мне в сопровождающие, мне необходим покой... День добрый, мэтр Вижье, день добрый, Вольнерио... день добрый, дю Буске... да будет с вами, сыны мои, добрые мои служители, благословение Господне...

³ Достопочтенный брат (*лат.*).

⁴ Возлюбленный сын (*лат.*).

Глава V

Первые шаги короля, которого прозвали добрым

Гороскоп короля Иоанна? Ну конечно, я его знаю: десятки, если не сотни раз я всматривался в него... Стало быть, я все предвидел? Конечно предвидел. Поэтому-то я так и бился, чтобы помешать этой войне. Ведь я же отлично знал, что она будет пагубна, и пагубна именно для Франции. Но попробуйте урезонить человека, а особенно короля, когда расположение светил в гороскопе затемняет ему разум и лишает способности рассуждать здраво!

Когда король Иоанн II появился на свет божий, Сатурн как раз проходил через зенит в созвездии Овна. А такое расположение светил пагубно для владык земных, оно присуще низложенным государям, быстротечным правлениям или же правлениям, оканчивающимся трагическими поражениями. А если к тому же Луна встает под знаком Рака, а Рак тоже под знаком Луны, то это означает, помимо всего прочего, натуру женственную. Наконец, чтобы дать вам наиболее яркую черту, которая бросается в глаза любому астрологу: Солнце, Меркурий и Марс находились в крайне зловещем сочетании и в слишком большой близости к Тельцу. Под такими неблагоприятными светилами человек рождается неуравновешенным, с виду, правда, мужественным и даже довольно тяжеловесным, но у такого человека все мужское как бы выхолощено, включая мыслительные способности. В то же самое время такой человек груб, необуздан, подвержен мечтаниям и тайным страхам, что вызывает в нем внезапные приступы ярости, тягу к убийству. Такой не способен прислушиваться к чужому мнению или властвовать собой, и прячет он свои слабости под личиной чехвальства, по сути дела, просто глупец и полная противоположность победителю или тому, кто наделен душою властелина.

Про некоторых людей так и хочется сказать: поражение становится самым важным в их жизни, они втайне смакуют его и успокаиваются, лишь получив свое. В глубине сердца они находят отраду в мечтах о поражении, ибо желчь поражения – излюбленный их напиток; она слаще для них, чем для другого нектар победы; они взыскуют о зависимости, и лучше всего им видеть себя у кого-нибудь в подчинении. Да, подлинно великая беда, когда король появляется на свет под таким расположением светил.

Иоанн II, пока он был герцогом Нормандским и жил по указке своего батюшки, которого, к слову сказать, недолюбливал, казался вполне приемлемым принцем, и люди несведущие полагали, что он сумеет управлять страной. Но надо сказать, что не только народ, но и придворная знать склонны к иллюзиям и почему-то всегда считают, что новый правитель будет лучше предыдущего, так, словно бы новизна сама по себе уже добродетель, и притом добродетель сродни чуду. Однако стоит только новому монарху взять в руки скипетр, как его гороскоп и его природные качества тут же начинают сказываться самым злополучным образом.

Иоанн II не просидел на троне и двух недель, как Карл Испанский все в том же августе месяце 1350 года был разбит на море королем Англии Эдуардом III. Правда, Карл Испанский командовал Кастильским флотом, и наш государь Иоанн за эту морскую экспедицию ответственности не нес. Тем не менее победителем вышел англичанин, а побежденный был закадычным другом короля Франции, и, следовательно, начало для этого последнего получилось не слишком благоприятным.

Коронование состоялось в конце сентября. На торжественную церемонию в Реймс был также Карл Испанский, и этому незадачливому флотоводцу там оказали самый ласковый прием – надо же было утешить его за поражение.

В половине ноября коннетабль Рауль де Бриенн, граф д'Э, вернулся во Францию. Целых четыре года он просидел в плену у короля Эдуарда, но, надо сказать, пленение это было не слишком сурово, ему даже позволялось переезжать из Англии во Францию и обратно, ибо он был участником мирных переговоров, над чем мы не покладая рук трудились в Авиньоне. Я

лично состоял с коннетаблем в переписке. На сей раз ему удалось собрать необходимую сумму для своего выкупа из плена. Не знаю, надо ли вам напоминать, что Рауль де Бриенн был по своему высокому положению весьма могущественной и значительной особой и, так сказать, второй персоной в нашем королевстве. Коннетаблем он стал после смерти своего отца Рауля V, тоже коннетабля, убитого на турнире. Ленные владения у него были повсюду, особенно крупные в Нормандии и в Турене – Бургей и Шинон, еще другие в Бургундии и Артуа. Владел он ныне конфискованными земельными угодьями и в Англии, и в Ирландии, а также в кантоне Во. По жене он доводился родственником графу Амедею Савойскому. Когда ты только-только уселся на королевский трон, к такому человеку тебе следовало бы относиться весьма уважительно. Как по-вашему, Аршамбо? А наш Иоанн II в первый же вечер его приезда обрушился на Рауля де Бриенна с яростными попреками, впрочем весьма туманными, и тут же приказал заточить его в темницу. А на следующее утро ему без суда и приговора отрубили голову. Да нет, нет, ни в чем он не был виноват, во всяком случае, ничто не было доказано. Наша курия знала об этом не больше, чем вы в вашем Перигоре. Поверьте мне, мы пытались узнать, в чем же тут дело. Желая оправдаться в этой скоропалительной казни, король Иоанн уверял, что у него, мол, имеются на руках письменные доказательства вероломства коннетабля; но он в жизни их никому не показывал. Ни разу не показывал даже папе, который убеждал, что в его же собственных интересах предать гласности эти пресловутые доказательства. И на все уговоры святого отца он упрямо отмалчивался.

Тогда, понятно, во всех придворных кругах Европы пошло шушуканье, строились различные предположения... Утверждали, будто коннетабль вел с королевой Бонной Люксембургской любовную переписку и что после смерти королевы переписка эта, мол, попала в руки короля... Ну, слыхали ли вы когда-нибудь подобные вздоры?! И впрямь, странная связь, да и представить ее себе не так легко, уж во всяком случае, преступную связь, коль скоро дама без конца находилась в тягости, а кавалер полных четыре года почти безвыездно просидел в плену у англичан! Возможно, очень возможно, что в письмах мессира де Бриенна и были строки, не слишком лестные для короля. Но будь даже так, они скорее должны были касаться его собственного поведения, нежели поведения его первой супруги... Нет, ничем невозможно объяснить эту казнь, разве что ненавистнической натурой нашего нового короля, который пошел в этом отношении в свою матушку, в эту злобную Хромоножку. Подлинная причина прояснилась чуть позднее, когда звание коннетабля было пожаловано... впрочем, вы сами знаете кому... ну да, Карлу Испанскому, а равно и добрая половина имущества казненного, так как все его земли и добро были розданы членам королевской фамилии. Так, граф Иоанн Артуа получил львиную долю – графство Э.

Вот такая неразумная щедрость создает больше врагов, нежели благодетельствованных. Мессир де Бриенн имел кучу родни, друзей, вассалов, челяди; огромному множеству людей он покровительствовал, все эти люди были привязаны к нему и тут же образовали лагерь недовольных. А прибавьте-ка к ним еще приближенных короля, которым не досталось ни крохи из всего этого добра и которые сразу превратились в озлобленных завистников...

Ах, какой же отсюда открывается прелестный вид на Шаллюс и на оба замка. Посмотрите, как эти два донжона, разделенные узкой речушкой, чудесно подходят один к другому! Даже под этими быстро бегущими облачками все здесь радует глаз.

Ла Рю! Скажите-ка, Ла Рю, по-моему, я не ошибаюсь, именно в этом замке, что направо, вон там, на пригорке, мессира Ричарда Львиное Сердце тяжело ранило стрелой и порвалась нить его жизни? Нда-а, не с нынешнего дня жители нашей страны привыкли к тому, что их убивают англичане и что приходится обороняться от них...

Нет-нет, Ла Рю, вовсе я не устал, я просто остановился полюбоваться всем окрест. Ну конечно же, мне совсем легко идти! Пройдусь еще немножко, а носилки пусть меня обгонят. Незачем нам нестись сломя голову. Если память мне не изменяет, от Шаллюса до Лиможа

меньше девяти лье. Даже шагом преспокойно доберемся за три часа... Хорошо, пусть за четыре! Дайте мне насладиться последними светлыми деньками, которые по милости своей посылает нам Господь. Когда начнутся дожди, я еще успею насидеться в носилках за спущенными занавесками...

Итак, Аршамбо, я уже рассказывал вам, как король Иоанн сумел нажить себе первых врагов в лоне собственного государства. И тогда он решил, что пора наживать себе друзей, беззаветно преданных людей, связанных с ним совсем новыми узами, верных помощников в дни войны и в дни мира, которые придадут его правлению славу и блеск. И ради этой цели он на заре следующего года учредил орден Звезды, награждение которым должно было, по его замыслу, возвеличить рыцарство и усугубить чувство чести. Но эта новизна была отнюдь не новой, ибо король Англии Эдуард уже учредил орден Подвязки. Но король Иоанн так потешался над этим орденом – подумать только, и создали-то его ради женской ножки. Вот его Звезда послужит совсем иным целям. Советую отметить эту черту его характера, кстати сказать постоянную и неизменную. Он умел только подражать, но всегда делал вид, что изобретает.

Ровно пять сотен рыцарей, не меньше, должны были принести клятву на Священном Писании: никогда и ни при каких обстоятельствах не отступать в бою, не сдаваться врагу в плен. Столь великое деяние полагалось отметить чем-то осязательным. А когда нужно было щегольнуть, Иоанн II не скардничал, и из его казны, и без того уже достаточно оскудевшей, деньги утекали, как из продырявленной бочки. Для торжественных церемоний ордена он приказал приспособить дом в Сент-Уане, который с той поры стали именовать Благородным Домом, и обставили его великолепной мебелью с тонкой резьбой и инкрустациями из слоновой кости и ценных пород дерева. Сам я никогда этого Благородного Дома не видел, но мне его подробно описывали. Стены там обтянуты или, вернее, были обтянуты золототканой и серебряной парчой, а кое-где бархатом, вышитым тоже золотыми звездами и лилиями. Для каждого рыцаря король повелел сшить белый шелковый плащ, сюркот, наполовину белый, наполовину алый, и алую же шапочку с золотой пряжкой в форме звезды. Получили они также белый стяг, расшитый звездами, и каждому сверх того пожаловали по великолепному золотому кольцу с финифтью, дабы сразу было видно: они, мол, обручены с королем... что, конечно, не могло не вызывать улыбок. Пять сотен пряжек, пять сотен стягов, пять сотен колец. А ну-ка, подсчитайте, во что это обошлось! Говорили даже, будто король сам делал наброски всех этих рыцарских принадлежностей, спорил по поводу каждого завитка. И, учредив орден Звезды, он счел себя непобедимым! При столь неблагоприятном расположении светил в гороскопе ему следовало бы выбрать себе какую-нибудь другую эмблему, но только не звезду.

По установленному самим королем правилу рыцари должны были каждый год съезжаться на великое пиршество, где, как предполагалось, каждый поведает присутствующим о своих геройских подвигах и о том, как бились они на мечах и копьях. Словом, обо всем, чем отличился каждый за этот срок. Два писца должны были записывать их изустные рассказы и превращать в историческую летопись. Так предполагалось воскресить к жизни Круглый стол, и уж конечно, король Иоанн превзойдет славу Артура – короля бриттов! Вообще замыслы были самые обширные, но достаточно туманные. Начали вновь поговаривать о Крестовом походе...

Первое сборище рыцарей Звезды, назначенное на день Богоявления 1352 года, изрядно разочаровало короля. Будущие легендарные герои не могли похвалиться великими деяниями, просто времени им для этого не хватило. Разрубленные надвое от макушки до пяток янычары, вражеские шлемы, притороченные к ленчику седла, девственницы, спасенные из темниц, куда их бросили неверные, – все это откладывалось на будущий год. Оба писца, призванные составлять летопись ордена, израсходовали не слишком много чернил, если, конечно, не считать подвигом то, что все перепились до умопомрачения. Ибо Благородный Дом стал самым крупным во Франции питейным заведением, какого не бывало со времен короля Дагобера. Бело-алые рыцари так усердно налегали на горячительные напитки, что еще до второй пере-

мены блюд уже вопили во всю глотку, пели, орали, чуть не катались по полу и выходили из-за стола, только чтобы помочиться или поблевать, а потом снова жадно набрасывались на еду, страстно бились об заклад, кто осушит больше кубков, – словом, всем скопом вполне заслужили посвящение в рыцари ордена кутил. Всю прекрасную золотую посуду, сделанную нарочно для этих пиршеств, смяли или потоптали. Они, как мальчишки, швыряли друг в друга золотые тарелки, а кубки просто давили в кулаке. От чудесной инкрустированной мебели остались одни обломки. Кое-кто с пьяных глаз вообразил, будто он идет в бой с врагом и пришла пора хватать добычу. Поэтому в мгновение ока пирующие растащили все золототканые и вышитые серебром ткани, свисавшие со стен.

А ведь именно в этот самый день англичане взяли крепость Гин, так как, покуда комендант крепости пировал в Сент-Уане, гарнизон благополучно перешел на сторону неприятеля.

После всех этих происшествий король сильно взгрустнул и находил утешение в одной лишь мысли, что волею злой судьбы самые блистательные начинания бывают порой обречены на неудачу.

В скором времени разыгралась первая битва, в каковой приняли участие рыцари ордена Звезды, но не на далеком сказочном Востоке, а в лесистом уголке Нижней Бретани. Полтора десятка из числа пировавших, желая доказать, что они, мол, способны на иные подвиги, а не только на безудержное питье, решили свято сдержать свою клятву, не отступать перед неприятелем, не сдаваться ему в плен. И вместо того чтобы по примеру благомыслящих людей вовремя отойти, они позволили противнику окружить себя, причем неприятельское войско было столь многочисленным, что шансов на спасение у наших героев не оставалось ни одного. Никто не вышел живым, так что рассказывать о своих подвигах было некому. Зато родственники погибших рыцарей при всяком удобном и неудобном случае охотно распространялись о том, что новый король-де помрачился в уме, раз он заставил своих дворян, имеющих право распускать собственное знамя, дать такую дурацкую клятву; и если все рыцари сдержат ее, то вскорости придется ему пировать в Благородном Доме одному...

Ага, вот и носилки... может быть, вы предпочитаете сейчас продолжать путь в седле? Я собираюсь чуточку соснуть, чтобы к приезду на место у меня была свежая голова... Но надеюсь, вы поняли, Аршамбо, почему орден Звезды как-то сам собой зачах и из года в год о нем говорят теперь все реже и реже.

Глава VI

Первые шаги короля, которого прозвали Злым

Вы заметили, дорогой племянник, что повсюду, где бы мы ни останавливались на привал, в Лиможе, равно как и в Нонтроне, да и во всех прочих местах, нас расспрашивают о короле Наваррском, так, словно бы судьбы нашего государства зависят от этого правителя! И впрямь в странное попали мы положение. Король Наваррский заключен как пленник в замке Артуа собственным кузеном, королем Франции. Король Франции сидит как пленник в Бордо и заключен собственным кузеном, наследным принцем Англии. Дофин, наследник французского престола, с трудом отбивается в своем парижском дворце от недовольных горожан и вышедших из повиновения Генеральных штатов. А только почему-то всех волнует судьба короля Наваррского. Вы же слышали, что говорил нам даже епископ: «Мне передавали, будто дофин – ближайший друг его высочества Наваррского. Он, очевидно, вскоре его освободит, разве нет?» Господи боже ты мой! Хочу надеяться, что нет. Этот молодой человек, до сих пор еще ничего хорошего не сделавший, что называется, очень и очень себе на уме. И я со страхом думаю о том, что было бы, если бы клану наваррских рыцарей удалось освободить своего повелителя. К счастью, попытка их не увенчалась успехом, но по всему видно, что они на этом не успокоятся.

Да-да, когда мы останавливались в Лиможе, я много чего узнал. И намереваюсь нынче же вечером, когда мы прибудем в Ла Перюз, написать обо всем этом папе.

И ежели со стороны короля Иоанна заточить принца Наваррского было немалой глупостью, то не меньшей глупостью будет со стороны дофина выпустить его на свободу. В жизни не видывал такого смутьяна, как этот Карл, прозванный Злым. Они вместе с королем Иоанном, несмотря на все их распри, сумели-таки ввергнуть Францию в теперешние ее беды. А знаете, когда его прозвали Злым? В первые же недели его правления. Да-а, времени он, как видите, даром не терял, сразу же получил такую кличку.

Матушка его, дочь Людовика Сварливого, как я вам уже говорил, скончалась осенью 1349 года. А летом 1350 года он решил короноваться в своей столице, в городе Пампелуне, куда, кстати сказать, ни разу не ступал ногой со дня своего рождения – другими словами, целых восемнадцать лет, – так как появился он на свет божий в Эвре. Коль скоро подданные должны знать своего государя, он решил объездить все свое государство, что, между нами будь сказано, заняло не так уж много времени. Потом нанес визиты своим соседям и родичам, своему зятю графу Фуа и Беарна, тому, что велел звать себя Фебом, и еще второму зятю, королю Арагонскому Педро Церемонному, а также королю Кастильскому.

А когда он в один прекрасный день возвращался в свой Пампелюн и проезжал верхом по мосту, его встретила делегация наваррской знати, вышедшая навстречу своему владыке, чтобы высказать ему свое недовольство, ибо он нарушил ее права и привилегии. Но так как он отказался их выслушать, жалобщики, понятно, погорячились. Тогда он приказал своей страже схватить стоявших в первых рядах крикунов и повелел безотлагательно вздернуть их на первых попавшихся деревьях, да еще приговаривал при этом, что, ежели государь желает завоевать всеобщее уважение, он должен быть скор на расправу.

А знаете, что я заметил: правители, чересчур скорые на такую расправу, обычно движимы страхом. И этот Карл не исключение, мне почему-то сдается, что он храбрец только на словах, а не в ратном деле. И коль скоро он ни с того ни с сего велел повесить невиновных людей, казнь коих повергла в печаль всю Наварру, подданные и прозвали его *el malo*, что значит «злой». Впрочем, мешкать в Наварре он не собирался и уехал прочь, оставив вместо себя управлять страной своего младшего брата Людовика, которому всего-то было пятнадцать. Но и этот Людовик предпочел вернуться во Францию – повеселиться при тамошнем королевском дворе, прихватив с собой еще одного их брата, Филиппа.

Так как же, спросите вы меня, как же могло случиться, что наваррская партия сумела приобрести такое влияние и стать столь многочисленной, раз в самой Наварре большая часть знати настроена против своего короля? Ах, Аршамбо, вся разгадка в том, что наваррская партия состоит из нормандских рыцарей графства Эвре. Карл Наваррский опасен для французского престола не только тем, что владеет югом страны, но и тем, что владеет или, вернее, владел земельными угодьями, лежащими в непосредственной близости к Парижу, как, скажем, сеньории Мант-Паси, Мелан или Нонанкур, а сеньории эти держат подступы доброй четверти страны, лежащей к западу от столицы.

Вот это-то король Иоанн понял прекрасно, или его заставили это понять. Случай редчайший, но он проявил достаточно благоразумия и постарался добиться соглашения и договориться со своим наваррским кузеном. А каким путем можно крепче всего привязать к себе человека? Через брачные узы. Но кого в качестве будущей супруги мог предложить он Карлу, дабы связать его с французской короной таким же прочным союзом, какой существовал, правда всего полгода, когда сестра Карла Наваррского Бланка была королевой Франции. Ясно – женить его на старшей дочке самого короля, на малютке Жанне Валуа. Правда, ей еще и восьми лет не исполнилось, но зато такая партия наилучшим образом все устраивала. Впрочем, Карл Наваррский не особенно скучал, ожидая совершеннолетия своей супруги в обществе милых дам. В числе их называли некую девицу Грациозу... Да-да, таково было ее имя, или же она себя сама так прозвала... А малютка Жанна Валуа уже успела в свое время овдоветь, ибо ее в трехлетнем возрасте выдали по первому разу замуж за родича ее матери, которого вскорости призвал к себе Господь.

Мы, в Авиньоне, относились с полным сочувствием к этой помолвке, ибо благодаря брачному договору улаживались все спорные вопросы между двумя ветвями королевской фамилии Франции. Взять хотя бы графство Ангулемское, обещанное уже давным-давно матери Карла в обмен на ее отказ от Бри и Шампани; позже их обменяли на Понтуаз и Бомон, но только на бумаге. На сей раз пришли к первоначальному соглашению: Наварра получит Ангулем, а также крупные земельные угодья и кастелянства, которые назначили в приданое за Жанной. Осыпая будущего зятя благодеяниями, король Иоанн, приняв самый что ни на есть торжественный вид, твердил: «Вам отходит то-то и то-то. Такова моя воля. Даю вам это и это, слово мое верное...»

В кругу домашних Карл Наваррский любил пошутить над новыми узами, связавшими его с королем Иоанном: «Мы и так с ним кузены; чуть-чуть я не стал его шурином. Но раз его батюшка женился на моей сестре, значит я довожусь ему дядей, а сейчас стану его зятем». Но пока шли переговоры о брачном контракте, Карл сумел значительно округлить свою долю. От него лично не попросили ничего, только внести вперед деньги: сто тысяч экю, которые король Иоанн задолжал парижским торговцам и которые Карл великодушно обещал за него заплатить. Конечно, этой суммы у него в наличии не имелось, просто отыскиали во Фландрии банкиров, которым он заложил часть своих драгоценностей. Согласитесь, что такую операцию куда легче проделать королевскому зятю, чем самому королю...

Вот поэтому-то мне и пришла мысль, что Наваррский снюхался с прево Парижа Этьеном Марселем... Следует незамедлительно написать об этом папе, ибо наш молодец непременно что-нибудь затеял, и это меня сильно тревожит. Но это уж другое дело...

Те сто тысяч экю были вписаны в брачный контракт Карла Наваррского и должны были выплачиваться ему частями, но в короткий срок. Сверх того, его посвятили в рыцари ордена Звезды и намекнули под рукой, что он может рассчитывать на пост коннетабля, хотя ему еще и двадцати не исполнилось. Свадьбу сыграли весьма пышно и весело.

Но вскоре пришел конец нежной дружбе тестя с зятем. Кто же постарался внести раздор в их добрые отношения? Не кто иной, как другой Карл, Испанский, красавец Ла Серда, не только злобно завидовавший Карлу Наваррскому, попавшему в фавор к королю, но и без страха наблюдавший, как на небесах французского двора восходит новое светило. У Карла

Наваррского был один недостаток, от которого, впрочем, не свободны многие молодые люди... и чего, я вас прошу, Аршамбо, всячески остерегаться – давать волю языку, когда судьба к вам благосклонна, и даже время от времени, не подумав, бросить злое словечко. Ла Серда, конечно, не упускал случая передать королю все остроты его зятя, да еще подавал их под собственным соусом: «Он вас высмеивает, дражайший сир, воображает, что ему дозволено говорить все. Неужели вы стерпите такое посягательство на ваше королевское величество, и, ежели вы стерпите, не стерплю я из любви к вам». И так он капля за каплей и день за днем вливал яд в королевские уши. Наваррский сказал, мол, то, Наваррский, мол, сделал это; Наваррского водой не разольешь с дофином; Наваррский затеял интригу и втянул в свои козни такого-то члена Большого совета... А на всем божьем свете не сыщешь человека, который, подобно Иоанну II, с такой охотой слушал бы наветы о ближнем своем и, раз уже поверив в оговоры, ни за что в жизни не отказался бы от своего мнения. В нем странным образом сочеталось легковерие и упрямство. Нет ничего проще, как убедить его в существовании несуществующих врагов.

В скором времени Карла Наваррского отстранили от пожалованной ему должности наместника Лангедока. И в чью пользу? В пользу Карла Испанского. А затем коннетаблем, коль скоро после казни Рауля де Бриенна должность эта пустовала, назначили – кого бы вы думали? – вовсе не Карла Наваррского, а Карла Испанского. Из ста тысяч эку, которые полагалось выплатить Наваррскому, тот не увидел ни гроша. А тем временем друга короля осыпали благодеяниями и золотом. И наконец, наконец в обход всех договоров и соглашений графство Ангулемское было пожаловано Карлу Испанскому, а Карлу Наваррскому пришлось вновь довольствоваться весьма туманными посулами.

Вот тогда-то в отношениях между Карлом Злым и Карлом Испанским пробежала черная кошка: сначала они стали относиться друг к другу с холодком, потом со злобой, а вскоре и с неприкрытой ненавистью. Карл Испанский вел игру наверняка и твердил королю: «Вот видите, дражайший сир, я оказался совершенно прав! Я давно понял, что ваш зять плетет интриги, восстанет против вашей воли. А теперь он обозлился на меня за то, что я вам беззаветно служу».

А порой он делал вид, будто вообще собирается покинуть французский двор – он, бывший в такой великой милости, – если только братья Наваррские не прекратят на него клеветать. И тогда он говорил совсем так, как говорят любовницы: «Уеду, непременно уеду в глушь, за рубежи вашего государства, и буду жить там памятью о любви, что вы мне дарили столь щедро. Или умру там! Ибо вдали от вас душа моя отлетит от брэнного моего тела!» И этот удивительный коннетабль при посторонних заливался слезами.

А так как король Иоанн был без ума от своего испанца и на все смотрел его глазами, он с упорством, достойным лучшего применения, старался превратить в заклятого врага своего кузена, которого сам же выбрал себе в зятя, рассчитывая приобрести надежного союзника.

Я вам уже говорил: на всем божьем свете нельзя найти второго такого дурачка на престоле, так много напортившего самому себе... Впрочем, это было бы еще полбеды, если бы он одновременно не напортил своей державе.

При дворе только и разговоров было что об этой ссоре. Уже давно покинутая супругом королева шушукалась по уголкам с супругой Карла Испанского... ибо он, коннетабль, был женат, только для вида конечно, на кузине короля мадам де Блуа.

Королевские советники, хотя все они в равной мере раболепствовали перед своим государем, разбились на две партии, в зависимости от того, считали ли они для себя выгоднее связать судьбу свою с судьбой коннетабля или с судьбой королевского зятя. И эти тлевшие под спудом раздоры были особенно ожесточенными еще и потому, что наш король, который любил показать, что все, мол, решает самолично, вечно взваливал на плечи своих приближенных важнейшие государственные дела.

Видите ли, дорогой мой племянник, вокруг любого короля всегда плетутся интриги. Но устраивают комплоты и заговоры только при слабом правителе или при том, кто отме-

чен каким-либо пороком или ослаблен недугом. Хотел бы я посмотреть, кто посмел бы даже помышлять о заговоре при Филиппе Красивом! Да никто бы об этом и думать не решился, никто бы на такое дело не осмелился. Я вовсе не хочу сказать, что сильные правители полностью защищены от различных заговоров; но тут уж требуются настоящие предатели. А вокруг слабых монархов даже самые честные люди совершенно естественно становятся заговорщиками.

Как-то незадолго до Рождества Христова 1354 года в одном из парижских отелей между Карлом Испанским и Филиппом Наваррским вспыхнула ссора, и дело дошло до таких оскорблений, что Филипп обнажил кинжал и чуть было не заколол коннетабля, если бы его вовремя не оттащили! А коннетабль, делано расхохотавшись, крикнул юному Филиппу Наваррскому, что, не будь вокруг столько людей, готовых удержать его руку, он вел бы себя не столь отважно. Филипп не блистал особой тонкостью ума, но был горячее старшего брата и легко ввязывался в стычки. Его выдворили из зала, когда он крикнул, что не преминет, и в самое ближайшее время, отомстить врагу их семьи и заставит его проглотить оскорбительные слова. Что он и исполнил две недели спустя в ночь на сочельник.

Карл Испанский отправился навестить свою кузину графиню Алансонскую. На ночлег он остановился в Лэгле, в харчевне, название которой надолго осталось в памяти людской – «Свинья Тонкопряха». Будучи твердо уверен, что дружба с королем и его высокий сан внушают повсюду уважение, он решил, что на дорогах Франции ему опасаться нечего, и взял поэтому с собой лишь малочисленную свиту. Но городок Лэгль находится в графстве Эвре, и неподалеку от этого городка в своих великолепных замках обитают братья Эвре-Наваррские. Предупрежденные о приезде коннетабля, они устроили ему хорошенькую засаду.

Около полуночи двадцать нормандских рыцарей, все дюжие, как на подбор, сеньоры: мессир де Гравиль, мессир де Клер, мессир де Мэнмар, мессир Морбек, рыцарь д'Онэ... да-да, потомок одного из двух любезников Нельской башни... Нет ничего удивительного, что он примкнул к партии Наваррского... короче, повторяю, добрых два десятка молодцов, чьи имена стали известны, коль скоро король вынужден был против воли выдать им грамоты о помиловании... появляются в городке под водительством Филиппа Наваррского, приказывают запереть все двери в «Свинье Тонкопряхе» и вламываются в апартаменты коннетабля.

Короля Наваррского с ними не было. На тот случай, если затеянное предприятие кончится неудачей, он предпочел ждать своих сообщников у городских ворот возле какого-то амбара, где компанию ему составляли конюхи. Ох, так и вижу моего Карла Злого, низенького живчика, кутающегося в плащ, похожего на язычок адского пламени, скачущего с ноги на ногу по обледелой дороге, ну чистый дьявол, не касающийся земли. Он ждет. Вглядывается в зимнее хмурое небо. От холода заоченели пальцы. А сердце его сжимают страх и ненависть. Он вслушивается. И снова начинается оголтелое скакание.

Тут появляется Жан де Фрикан, по прозвищу Фрике, губернатор Кана, советник Карла и душа заговора. Еле переводя дух, он сообщает: «Готово, ваше высочество!»

За ним спешат Гравиль, Мэнмар, Морбек, сам Филипп Наваррский и прочие заговорщики. А там, в харчевне, красавец Карл Испанский, которого убийцы вытащили из-под кровати, где он надеялся от них укрыться, уже отдал Богу душу. Все тело его было истыкано через ночную сорочку. На трупе насчитали восемьдесят ран, восемьдесят кинжальных ударов... Каждый убийца пожелал четырежды погрузить в него свой кинжал... Так вот, мессир мой племянник, каким образом король Иоанн потерял своего любимого друга и вот каким образом его высочество Карл Наваррский открыто начал смуту...

А теперь, я попрошу вас, уступите-ка ваше место дону Франческо Кальво, папскому аудитору, я хочу побеседовать с ним, прежде чем мы остановимся на ночлег.

Глава VII

Вести из Парижа

Коль скоро, дон Кальво, по прибытии в Ла-Перюз у меня свободной минутки не будет, придется осмотреть аббатство и выяснить, так ли сильно разорили его англичане, что по просьбе монахов пришлось на целый год освободить их от уплаты мне бенефиций как приору. Так вот я и хочу как раз сейчас сообщить все то, что должно войти в мое послание святому отцу. Буду вам весьма признателен, ежели вы подготовите это послание, чтобы я мог прочесть его еще в Ла-Перюзе, и надеюсь обнаружить там все те прелестные обороты, которыми вы обычно украшаете ваши письма.

Святой отец должен узнать обо всем, что делается в Париже и о чем я сам узнал только в Лиможе и совсем с тех пор потерял душевный покой.

Первым долгом о неблагоприятных действиях купеческого старшины, прево Парижа мэтра Этьена Марселя. Мне стало известно, что этот самый прево уже целый месяц возводит укрепления и роет рвы вокруг столицы, хотя там существует прежний пояс укреплений, словно готовится выдержать осаду. А ведь на нынешнем этапе мирных переговоров англичане отнюдь не собираются угрожать Парижу, и поэтому непонятно, к чему этот прево так торопится укрепить нашу столицу. Но помимо этого, прево свел своих горожан в отряды по охране города, вооружает их, обучает военному искусству; поставил во главе десятских, квартальных и пятидесятских для вящего удобства командования. Словом, все по примеру фландрского ополчения, которое само хозяйничает в тамошних городах... Затем прево принудил дофина, наместника короля, согласиться на создание этого ополчения; и, сверх того, в то время как именно королевские подати и налоги являлись главной причиной недовольства, этот самый прево установил пошлину на все напитки, чтобы экипировать своих людей, и неукоснительно ее взимает.

Похоже, что этот мэтр Марсель, в свое время изрядно разбогатевший на поставках королю, но уже в течение четырех лет в силу сложившихся обстоятельств ничего французскому двору не поставлявший и до крайности тем раздосадованный, – похоже, что он после поражения при Пуатье возжелал вмешиваться во все государственные дела. Его намерения пока еще не совсем ясны, ясно лишь одно – его желание показать себя лицом значительным. Но путем умиротворения, столь желаемого святым отцом, он, безусловно, не идет. Итак, мой священный долг присоветовать папе, ежели к нему будут обращаться оттуда с какими-либо просьбами, отвечать посуловее и не оказывать никакой поддержки, даже видимости поддержки не оказывать парижскому прево и всем его предприятиям.

Надеюсь, вы меня поняли, дон Кальво? Сейчас в Париже находится кардинал Капоччи. И он вполне может, при обычном своем легкомыслии, совершить немалую оплошность – излишне веря в свои силы, связаться с этим прево... Нет-нет, ничего определенного мне об этом не доносили, но я нюхом чую, что мой собрат, как и всегда, не упустит удобного случая вступить на неверный путь...

Второе, я хочу напомнить Святому отцу, чтобы он осведомился в мельчайших подробностях о Генеральных штатах северных областей, которые с начала нынешнего месяца засели в Париже, а также пролил священный свет своего внимания на те странности, что, как мы видели, там происходят.

Король Иоанн обещал созвать эти Штаты в декабре месяце, но среди великой сумятицы, разрухи и упадка, постигших наше королевство после поражения при Пуатье, дофин Карл решил, что благоразумнее всего опередить события и собрать Генеральные штаты в октябре. И впрямь, ничего другого ему делать не оставалось, дабы укрепить свой авторитет, значительно пострадавший после всех его злоключений, – не забывайте, что он еще очень юн, что войско после поражения совсем распалось, а казна совсем оскудела.

Но восемьсот депутатов севера, из коих четыреста горожан, вовсе не помышляют обсуждать важнейшие вопросы, хотя их именно для этого и созвали.

Святая церковь накопила огромный опыт вселенских соборов и знает, что иные прямо расползаются под руками тех, кто их созвал. Вот и я хочу сказать папе, что эти Штаты как две капли воды похожи именно на такой собор, который впал в заблуждение и стремится всем руководить сам и, пользуясь слабостью верховной власти, безудержно рвется к реформам, пусть даже и пагубным.

Вместо того чтобы хлопотать об освобождении короля Франции, эти люди в Париже в первую очередь озабочены тем, как бы добиться освобождения короля Наваррского, что достаточно красноречиво свидетельствует о том, какой стороны держатся их главари.

Сверх того, эти восемьсот человек создали комиссию восьмидесяти, которая занята тем, что тайком составляет длиннейший перечень требований, где слишком мало справедливых и слишком много дурных. Первым делом они требуют сместить всех главнейших королевских советников и предать их суду, ибо обвиняют их в растрате денег, полученных в качестве налога на соль, и считают виновными в поражении...

Тут я должен сказать, Кальво... Нет-нет, это не для письма, просто я делюсь с вами своими мыслями... претензии их в известной мере справедливы. Среди людей, которым король Иоанн доверял государственные дела, я знаю многих, кто ничего не стоит, и знаю даже отъявленных мошенников. Раз никто отнюдь не желает брать на себя труд и никто не желает рисковать, вполне естественно, что люди, занимающие высокие должности, обогащаются. Но следует поостеречься и не переходить границы в бесчестии, не устраивать свои личные дела в ущерб государственным интересам. Главное же, необходимы способности. А коль скоро король Иоанн сам способностей почти лишен, он охотнее всего подбирает себе людей, у которых их вообще нет.

Но дальше депутаты начинают требовать уж вовсе незаконных вещей. Требуют, чтобы король или наместник его дофин управлял бы страной через советников, которых выберут три сословия, – четверых прелатов, дюжину рыцарей, дюжину горожан. Этот Совет будет наделен всей полнотой власти и будет выносить приказы, как раньше выносил их король; назначать должностных лиц; он имеет право преобразовать Фискальную палату и все торговые компании; решать вопрос о выкупе пленных и еще целую кучу вещей. А на деле речь идет не о чем ином, как о том, чтобы лишить короля атрибутов его власти.

Таким образом, управлять страной будет не тот, кто был коронован и помазан на царство, согласно нашей святой религии; управление будет поручено так называемому Совету, который получит свои права от праздноязычного сборища и будет находиться в полной от него зависимости. Какая слабость и какая путаница! Эти так называемые реформы – вы слушаете меня, дон Кальво? – я подчеркиваю это, ибо негоже будет, если папа сможет сказать, что он об этом и не слыхивал...

Итак, эти так называемые реформы – оскорбление здравому смыслу, и в то же самое время они пахивают ересью.

А ведь есть священнослужители – даже говорить об этом огорчительно, – которые принимают их сторону. Таков, скажем, епископ Ланский, Робер Ле Кок; он тоже в немилости у короля и поэтому снюхался с прево. Это один из самых горячих его приверженцев.

Святой отец должен знать, что за всей этой смутой стоит король Наваррский, который, похоже, направляет ход событий из своего узилища и который окончательно приберет все и вся к рукам, когда очутится на свободе. Святой отец в превеликой мудрости своей сам рассудит, что надо ему воздержаться от всякого вмешательства и не способствовать тому, чтобы Карла Злого, то есть, я хочу сказать, его высочество Карла Наваррского, выпустили на свободу, сколько бы слезных молений о том ни поступало к нему со всех сторон.

Лично я, пользуясь своими прерогативами легата и папского нунция – вы слушаете меня, Кальво? – так вот, я прикажу епископу Лиможскому присоединиться к моей свите и отправиться вместе с нами в Мец. Он догонит меня в Бурже. И я решил действовать точно так же в отношении всех других епископов, аббатства коих попадутся мне на пути, чьи епархии разграблены и опустошены набегами принца Уэльского, дабы засвидетельствовали они о том перед императором. И мне, таким образом, будет легче растолковать, сколь губителен этот союз между королем Наварры и королем Англии...

Но почему это вы, дон Кальво, то и дело высовываетесь наружу?.. Ах, понимаю, это вас укачало в носилках!.. Я-то уже давно к ним привык, скажу больше, как-то даже голова от этой тряски лучше работает... Я вижу, что мой племянник, мессир Перигорский, который время от времени подсаживается ко мне, тоже недолюбливает езду в носилках... И впрямь вид у вас неважный. Ладно, ладно, сходите поскорее. Только не забудьте, когда возьметесь за перо, ничего из того, что я вам сейчас наговорил.

Глава VIII

Мантское соглашение

А где мы теперь? Проехали уже Мортмар или нет?.. Ах, нет еще. Очевидно, я чуточку вздремнул... Как хмурится небо, да и дни заметно стали короче... Представьте, Аршамбо, что я успел даже увидеть сон, видел сливовое дерево все в цвету, огромное дерево, все снежно-белое, с округлой кроной, и на каждой ветке щебетали птицы, так что казалось, поют сами цветы. И небо было голубое, похожее на покров Девы Марии. Ангельское видение, подлинный райский уголок! Странная все-таки штука эти сны! Заметили ли вы, что в Евангелии никогда не упоминается о снах, кроме сновидений Иосифа в начале Евангелия от Матфея? И это все. Зато в Ветхом Завете патриархи без конца видят сны, а вот в Новом Завете снов никто не видит. Я часто думал, почему это так, и до сих пор не нашел ответа... А вас это не удивляло? Значит, вы, Аршамбо, не слишком усердный чтец Священного Писания... По-моему, это великолепная тема для наших ученых теологов в Париже или Оксфорде: пусть заведут высокомудрые споры и снабдят нас толстенными трактатами и трудами, написанными на такой вычурной латыни, что никто там ни строчки не поймет.

Так или иначе, но сам Святой Дух внушил мне заглянуть в Ла-Перюз. Вы сами видели этих славных монахов-бенедиктинцев, что хотели воспользоваться набегом англичан, чтобы не платить то, что причитается приору. Я велю дать им взамен прежнего новый эмалевый крест и три позолоченные чаши, они все это сами отдали англичанам, чтобы те их не разграбили наконец, и они смогут выплатить свой аннуитет.

В простоте душевной они надеялись смешаться с толпой жителей противоположного берега Вьенны, где наемники принца Уэльского и впрямь все разграбили, уничтожили, спалили, как мы сами видели нынче утром в Шираке или в Сен-Морис-де-Лионе. И особенно в аббатстве Лестерп, где монахи оказались доблестными воинами. «Наше аббатство хорошо укреплено, вот мы и будем его защищать». И они завязали битву, эти монахи, показав себя настоящими отважными людьми, тем паче что их никто в бой не посылал. Много их полегло на поле брани, вели они себя куда более благородно, чем немалое число рыцарей, коих я знал лично.

Если бы все французы были столь же безудержно смелыми... И в своем сожженном чуть ли не дотла аббатстве эти славные люди нашли еще возможность накормить нас вволю, да так вкусно все приготовили, что меня сон сморил. А вы заметили, каким святым весельем сияли их лица?.. «Наши братья полегли в бою! Мир праху их; Господь Бог по великой милости своей упокоил их души... А нас Он оставил на сей земле. Чтобы мы могли творить добрые дела... Наш монастырь наполовину разрушен? Вот и представился нам случай сделать его еще прекраснее!...»

Знайте же, племянник, хороший монах всегда весел. Я не слишком-то доверяю чересчур суровым постникам с вытянутой физиономией, с горящими близкопосаженными глазками: так и кажется, будто они все время косятся в сторону ада. А те, кому Бог оказал наивысшую честь, призвав их себе на служение, просто обязаны быть на людях жизнерадостными; их долг – быть всем другим смертным примером, и таков же их долг вежливости.

Равно как и владыки земные, коли Всевышний вознес их над всеми людьми, обязаны всегда и во всем уметь властвовать над собой. Мессир Филипп Красивый был образцом подлинного величия, и величие это предписывало ему, чтобы никто и никогда не видел его во гневе и в печали он не лил слез.

После убийства Карла Испанского, о чем я вам вчера рассказывал, король Иоанн доказал, и притом самым жалким манером, что он не способен обуздывать свои страсти. Жалость не то чувство, какое должен внушать окружающим король; пусть лучше считается, что сердце его

наглухо закрыто для печали. А наш король целых четыре дня не мог без запинки выговорить слово, не мог даже сказать, что, мол, хочет есть или пить. Он бродил по своим покоям с заплаканными, красными глазами, никого не узнавал, потом вдруг прекращал свое хождение, чтобы вволю нарыдаться. Бесполезно было обращаться к нему с каким-нибудь делом. Если бы неприятель вздумал ворваться во дворец, короля можно было бы взять голыми руками. Когда скончалась его супруга, мать его детей, Бонна Люксембургская, он и вполтину так не убивался, что дофин Карл не преминул ему заметить. Вот тут-то впервые увидели при дворе, как сын презирает отца, раз он позволил себе сказать ему, что просто непристойно так распускаться. Но король и ухом не повел.

А когда он выходил из оцепенения, он начинал вопить. Вопил, чтобы ему немедленно подали боевого коня; вопил, что немедленно созовёт войско; вопил, что помчится в Эвре и устроит там судилище и все тогда содрогнутся... Приближенные короля с превеликим трудом образумили его и доказали, что для того, чтобы собрать под свои знамена войско, даже без дворянства, требуется никак не меньше месяца; что ежели он пожелает идти на Эвре, то в Нормандии начнется междоусобица; что, с другой стороны, срок перемирия с королем Англии истекает и, ежели последний пожелает воспользоваться всеобщей сумятицей, королевство, того гляди, окажется в большой опасности.

Ему внушали также, что, соблюдай он брачный контракт своей дочери и отдай Ангулем Карлу Наваррскому, вместо того чтобы дарить его своему обожаемому коннетаблю...

Тут Иоанн II воздел к небесам руки и возопил: «Тогда кто же я такой, если я ничего не могу? Я отлично вижу, что никто из вас меня не любит, и я лишился единственной своей опоры!» Но в конце концов он остался во дворце, поклявшись перед Господом, что, пока не свершится отмщение, не знать ему радости.

Тем временем Карл Наваррский не сидел сложа руки. Он писал папе, писал императору, писал всем христианским государям: он объяснял им, что отнюдь не желал смерти Карла Испанского, а только намеревался проучить его за весь тот вред и оскорбления, причиненные ему покойным; что люди его переусердствовали, но он тем не менее все берет на себя и готов защищать своих родичей, друзей и слуг, которые во время этой лэгльской суматохи проявили излишний пыл лишь ради его, Карла, блага.

Словом, действуя как разбойник с большой дороги, заманивший свою жертву в ловушку, он пожелал сделать вид, будто действовал как рыцарь.

И сверх того, он написал герцогу Ланкастеру, находившемуся в Малине, и даже самому королю английскому. Когда началась заваруха, нам удалось ознакомиться с содержанием этих писем. Карл Злой шел прямо напролом: «Ежели соизволите вы приказать бретонским вашим военачальникам в полной боевой готовности быть, как только я обращусь к ним, дабы они в Нормандию вошли, и встречу я их там со всем радушием, и порука моя в том, что обойдется все мирно. Да будет вам ведомо, что вся нормандская знать предана мне не на живот, а на смерть». Убив Карла Испанского, Карл стал мятежником, а теперь пошел еще дальше – стал изменником. И в то же время он напустил на короля Иоанна своих меленских дам.

Как, вы не знаете, кого величают меленскими дамами? Смотрите-ка, пошел дождь! Впрочем, этого и следовало ожидать: с самого утра небо угрожающе хмурилось. Вот теперь вы, Аршамбо, надеюсь, благословляете мои носилки: лучше сидеть под навесом, чем мокнуть под дождем, чтобы по спине у вас стекали струйки воды и чтобы насквозь пробило ваш плащ несколько, я бы сказал, нескромного покроя и забрызгало вас грязью до пояса.

Кто такие меленские дамы? Две вдовствующие королевы и Жанна Валуа, малолетняя супруга Карла Наваррского, которую держат там, пока она не достигнет брачного возраста. Все три живут в Мелене, в замке, который прозвали замком Трех Королев или Вдовьим Двором.

Начнем с Жанны д'Эвре, вдовы короля Карла IV и тетки Карла Злого. Да-да, она до сих пор еще жива и вовсе не такая уж дряхлая старуха, как почему-то считается. Ей, очевидно,

всего пятьдесят... на четыре-пять лет моложе меня. Вдовееет она вот уже двадцать восемь лет и двадцать восемь лет не снимает белого одеяния. Французский престол она делила с покойным супругом всего три года. Но до сих пор сохранила влияние при дворе. Дело в том, что она старшая в роду, последняя королева из ветви Капетингов. Рожала она трижды... родила трех дочек, из них выжила лишь только последняя, родившаяся уже после смерти отца... Родила она сына, была бы она сейчас королева-мать и регентша. Династия Капетингов угасла в ее лоне. Когда она говорит: «Мой батюшка, его светлость д'Эвре... мой дядя Филипп Красивый... мой деверь Филипп Длинный...» – все замолкают. Она уцелевший обломок монархии, права коей на французский престол никто никогда и не подумал бы оспаривать, и свидетельница той години, когда Франция была куда могущественнее и славнее, чем ныне. Она как бы порука тому для нового поколения. Поэтому-то многое из того, что могло бы быть сделано, не делается, ибо мадам д'Эвре этого не одобряет.

И, кроме того, кругом все твердят: «Она святая, святая!» Но, честно говоря, так ли уж трудно прослыть святой, когда ты королева и живешь в окружении своего маленького двора, которому нет иного занятия, как слагать тебе хвалу. Мадам Жанна д'Эвре подымается на рассвете, сама зажигает свечу, чтобы не беспокоить своих служанок. И тут же берется за свой часослов – по словам видевших, самый крохотный на всем свете, – подарок ее покойного супруга, который заказал книгу некоему художнику Жану Пюселю. Молится она долго и много и творит щедрой рукой милостыню. Двадцать восемь лет она изо дня в день твердит, что будущего у нее нет лишь потому, что не смогла она родить сына. У каждой из вдов есть своя навязчивая идея. Будь она столь же умна, сколь и добродетельна, она, конечно, могла бы сыграть куда более значительную роль в делах государственных.

Затем мадам Бланка, сестра Карла Наваррского, вторая супруга Филиппа VI Валуа. Пролетала она всего полгода и еще не сумела привыкнуть к королевской короне. Она слывет первой красавицей Франции. Я сам ее в свое время видел и полностью разделяю это мнение. Сейчас ей всего двадцать четыре года, и вот уже почти шесть лет она с горечью вопрошает себя, на что ей эта белоснежная кожа, синие, словно эмалевые, глаза, это совершенное тело? Не одари ее природа столь щедро, она все равно стала бы нашей королевой, коль скоро ее прочили в жены Иоанну II! Отец Иоанна отнял ее у сына лишь потому, что был смертельно уязвлен ее красотой.

Через полгода после того, как она проводила своего мужа с супружеского ложа в могилу, руки ее стал помогать король Кастильский, дон Педро, прозванный подданными Жестоким. Возможно, сгоряча она велела передать ему, что «королевы Франции не выходят замуж вторично». Все дружно славословили величие ее души. Но теперь она вновь вопрошает себя: уж не слишком ли тяжелую жертву принесла она своему блистательному прошлому? Кастильянство Мелен оставлено ей в наследство покойным супругом. По ее приказанию Мелен перестроили, украсили. Но она может сколько угодно и к Пасхе, и к Рождеству менять ковры и шпалеры у себя в опочивальне – спит-то она там по-прежнему одна.

И наконец, дочь короля Иоанна, еще одна Жанна, чей брак с королем Наваррским только подлил масла в огонь. Карл Наваррский поручил девочку-супругу своей тетке и сестре в ожидании ее совершеннолетия. А сама она – чистое бедствие в семье, каким может только быть двенадцатилетняя девочка, которая отлично помнит, что овдовела в шесть лет, и уже ведет себя как королева, хотя королевой еще не стала. Только одного она ждет – поскорее стать взрослой, но ждет злобно, ворчит по любому поводу, требует себе именно того, в чем ей отказывают, выводит из себя придворных дам и сулит им самые страшные пытки – дайте ей только вырасти. Приходилось мадам д'Эвре, которая не любила шутить с такими вещами, как пристойное поведение, закатывать будущей королеве пощечины.

Наши три дамы поддерживали и в Мелене, и в Мо – а Мо досталось мадам д'Эвре после смерти супруга по наследству – иллюзию двора. Есть у них свой канцлер, казначей, мажор-

дом. Слишком громкие титулы для столь незначительных обязанностей. Здесь вы могли не без удивления обнаружить с десятков людей, которые считались уже давно отошедшими в лучший мир, до того прочно их все забыли, кроме, конечно, их самих. Прежние служители, уцелевшие от предыдущих царствований, дряхлые духовные наставники покойных королей, секретари, хранители уже всем известных секретов, люди, которые на короткий миг становились могущественными, ибо стояли близко к власти. И все они барахтаются в гуще воспоминаний, с важным видом намекая, что они, мол, были главными участниками давно минувших событий. Когда один из них заводил: «В тот день, когда король обратился ко мне...», то слушатель гадал, о каком, в сущности, из шести королей, восседавших на троне с начала века, идет в данном случае речь? А то, что сказал король, для рассказчика было весьма важным и незабываемым откровением вроде: «А нынче хорошая погода, Гро-Пьер...»

Поэтому, когда возникал какой-нибудь казус, как в случае с королем Наваррским, для Вдовьего Двора это было неожиданной удачей, и все его обитатели пробуждались от спячки. Каждый суетился, шумел, волновался... Добавим еще, что Карл Наваррский больше, чем кто бы то ни было из живущих на свете, занимал все помыслы этих трех королей. Он был возлюбленным племянником, дорогим братом, обожаемым супругом. Если бы им сказали, что в Наварре его прозвали Злым, они и слушать бы не стали! Карл и впрямь из кожи лез, лишь бы им угодить, осыпал их подарками, частенько навещал... пока, конечно, был еще на свободе... веселил их забавными историями, занимал их своими распрями, увлекал их рассказами о своих деяниях, ибо, когда хотел, мог очаровать любого: с теткой играл в почтительного племянника, с сестрой – в преданного брата, а со своей девочкой-супругой – во влюбленного, и все – по холодному расчету шахматиста, готовящегося бросить в атаку свои пешки.

После убийства коннетабля, когда король Иоанн чуточку успокоился, все три меленские дамы двинулись в Париж предстательствовать за Карла Наваррского по его просьбе.

Малолетняя Жанна Валуа бросилась к ногам короля и одним духом выпалила как наизусть заученный урок: «Сир, отец мой, не может того быть, чтобы мой супруг вел себя как изменник в отношении вас. И если он поступил плохо, то лишь потому, что предатели злоупотребили его доверием. Заклинаю вас, ради вашей любви ко мне, простите его!»

Мадам д'Эвре, сама печаль и само величие, на что, впрочем, давали ей право годы, сказала: «Сир, кузен мой, как самая старшая в роде из всех, кто был коронован в Реймсе, осмелюсь дать вам совет и молить вас примириться с моим племянником. Ежели он причинил вам зло, то лишь потому, что те, кто служит вам, наговаривали вам на него, и он вполне мог прийти к мысли, что вы оставили его на милость заклятых его врагов. Но он лично, в чем я уверяю вас, питает к вам лишь самые добрые и почтительные чувства. Продолжать эти раздоры – значит чинить вред вам обоим».

Мадам Бланка не промолвила ни слова. Она просто глядела на Иоанна. И знала, что он не может забыть, что именно ее прочили ему в супруги. В ее присутствии этот долговязый и тяжеловесный человек, обычно столь резкий в обращении со всеми, терялся. Косил глазом в сторону, лишь бы не смотреть на нее, что-то мямлил. И всякий раз, когда она бывала при дворе, он выносил решение, противоположное тому, которое собирался вынести.

Сразу же после этого визита король решил начать переговоры со своим зятем, заключить с ним добрый мир, с каковой целью отрядил в Наварру кардинала Булонского, епископа Ланского, Робера Ле Кока и Робера де Лорриса, своего камергера. И наказал им закончить это дело побыстрее. Дело и впрямь закончили быстро; и в последнюю неделю месяца января обе договаривавшиеся стороны подписали соглашение в городе Манте. Пожалуй, впервые на моей памяти согласия достигали столь легко и в такой спешке составляли трактат.

Король Иоанн и в этом случае блестяще доказал, сколь неровен его нрав и сколь нелогичны его поступки. Еще месяц назад он только и мечтал о том, как бы схватить и убить его высочество Карла Наваррского, а теперь соглашался на все его требования. Докладывали ли

ему, что его зять требует полуостров Котантен вместе с Валонью, Кутансом и Карантаном, – он на все отвечал: «Отдайте ему, отдайте!» Желает получить виконтство Понт-Одемер и Орбек? «Отдайте, раз все хотят, чтобы я с ним помирился!» Таким путем Карл Злой получил также огромное графство Бомон с кастелянствами Бретей и Конш, входившими ранее в пэрские владения Робера Артуа. Что и говорить, великолепное отмщение, правда посмертное, *post mortem*, за Маргариту Наваррскую: внуку ее достались земли того самого человека, что загубил его бабу. Графство Бомон! Ну как было не ликовать юному отпрыску Наваррского дома! Сам-то он по этому соглашению почти ничего не уступил: отдал Понтуаза, а потом торжественно подтвердил, что отказывается от Шампани, что, впрочем, решено было четверть века назад.

Теперь уже и разговоров не было об убийстве Карла Испанского. Ни кары, даже в отношении подручных, ни возмещения убытков. Все участники убийства в «Свинье Тонкопряхе», которые теперь открыто хвастались своим деянием, получили грамоты о помиловании и прощении грехов.

Ох, боюсь, что это Мантское соглашение не слишком возвеличило образ короля Иоанна. «Убили его коннетабля, а он отдал за это половину Нормандии. А ежели ужокошат его брата или сына, так он тогда всю Францию отдаст» – вот как говорили люди.

А юркий король Наваррский, тот, напротив, показал всю свою оборотистость. Присоединив Бомон к своим владениям Манту и Эвре, он мог легко отрезать Бретань от Парижа, а через Котантен лежал прямой путь в Англию.

Поэтому-то, когда он явился в Париж получить прощение короля, со стороны могло показаться, что прощать короля будет он.

Да-да, что ты говоришь, Брюне? Ох, этот дождь! Занавески совсем промокли... Подъезжаем к Беллаку? Чудесно, чудесно. В Беллаке, по крайней мере, нас ждет уютный кров, и будет в высшей степени непростительно, если нам не устроят пышного приема. Английские рыцари пощадили Беллак по приказу принца Уэльского, потому что это наследное имущество графини Пемброк, из рода Шатийон-Лузиньян. Иной раз самые отъявленные вояки умеют быть любезными в отношении дам...

Заканчиваю, дорогой племянник, рассказ о Мантском соглашении. Итак, король Наваррский прискакал в Париж с таким видом, будто выиграл баталию, а король Иоанн и впрямь принял его, как победителя, в парламенте, где по обе его стороны восседали две вдовствующие королевы. Королевский нотариус опустился на колени перед троном... О, не беспокойтесь, все проходило весьма и весьма торжественно...

– Мой могущественный государь, королевы Жанна и Бланка прослышали, что король Наваррский попал к вам в немилость, и молят вас его простить...

При этих словах вновь назначенный коннетабль Готье де Бриенн, герцог Афинский... да-да, кузен Рауля, только из другой ветви Бриеннов, – на сей раз юнца на эту должность уже не назначили – приблизился к Карлу Наваррскому и взял его за руку.

– Государь милует вас по просьбе королев, милует от всего сердца и с радостью душевной.

На что кардинал Булонский должен был ответить громовым голосом: «Пусть все родичи и близкие короля запомнят, что, ежели кто отныне совершит против него преступление, будь даже родной сын государев, ответит за то пред правосудием».

Нечего сказать, хорошо королевское правосудие, над которым каждый посмеивался втихомолку. И перед всем двором тесть и зять упали друг другу в объятия.

А что было дальше, я доскажу вам завтра.

Глава IX

Карл Злой в Авиньоне

Коли уж говорить начистоту, Аршамбо, я лично куда больше люблю древние храмы, такие, скажем, как в Дора, мимо которого мы только что проехали, чем церкви, что возводили полтора-два столетия назад. Не спорю, они чудо каменной кладки, но зато в них вечно царит полумрак. Излишне изукрашены орнаментом, порой просто пугаешься, даже сердце сжимается от страха, будто заблудился ночью в лесу. Знаю, знаю, на меня за это косятся, считают, что у меня плохой вкус. Но ничего не поделаешь, таков уж он, и я от этого не отступлюсь. Быть может, я пристрастен к старине потому, что вырос в Перигоре, в нашем старинном замке, воздвигнутом на развалинах римского амфитеатра, совсем рядом с нашей церковью Сен-Фрон, совсем рядом с нашей церковью Сент-Этьен, и поэтому мне мило повсюду обнаруживать формы и пропорции, напоминающие мне эти великолепные ровные пилястры и высокие, прелестно округлые своды, вдоль которых легко струится дневной свет. В старину монахи умели возводить такие храмы, что солнечные лучи, проникавшие внутрь целыми снопами, нежно золотили камень стен, а церковные песнопения, отражаемые высокими, как небо, сводами, звучали громче и мощнее, и казалось, что это поют ангелы в райских кущах.

По великой милости Предвечного, англичане хоть и разорили Дора, не до конца разрушили это чудо из чудес нашего зодчества, и его можно легко восстановить. Я готов биться об заклад, что наши северные зодчие с радостью возвели бы на месте руин какую-нибудь громадную махину по своему теперешнему вкусу, водрузили бы ее на каменные лапища на манер некоего сказочного зверя, так что, когдаходишь туда, чудится, будто ты вместо храма Божьего попал в преддверие ада. И наверняка те же зодчие сбросили бы фигуру ангела из позолоченной меди, водруженную на вершине колокольни, откуда и пошло название монастыря – *lou dorat*, – и водрузили бы вместо него фигуру дьявола с вилами в руках и злобно перекошенной физиономией...

Ад!.. Мой благодетель Иоанн XXII, первый папа, которому я служил, не верил в ад, вернее, учил, что в аду никого нет. Это уж, согласитесь, чересчур. Если люди перестанут страшиться ада, как же сможем мы взимать с них милостыню для неимущих и требовать от них покаяния во искупление грехов своих? Не будь преисподней, церковь должна была бы спокойно закрыть ворота свои. Ничего не поделаешь, причуды высокомудрого старца! Пришлось добиться все-таки, чтобы на смертном одре он отрекся от своей доктрины. Я сам присутствовал при этом... Вы правы, и впрямь становится свежо. Теперь уже чувствуется, что через два дня наступит декабрь. Хуже всего этот промозглый холод.

Брюне! Эймар Брюне, посмотри-ка, дружок, нет ли в моей повозке со съестными припасами жаровни, и поставь ее мне в носилки. Меха что-то плохо греют, и если дело и дальше пойдет так, то в Сен-Бенуа-дю-Соль вы доставите кардинала, громко стучащего в ознобе зубами. Мне говорили, что англичане все там разорили. А если в повозке у повара мало угля, пусть останятся у первой же хижины, мимо которой мы проедем, и возьмут там угля, ведь для меня потребуется угля побольше, чем на то, чтобы разогреть *ragu*... Нет-нет, мне вовсе не нужен мэтр Вижье. Пусть с Богом едет своей дорогой. А то если ко мне в носилки заглянет лекарь, вся моя свита вообразит, что я с минуты на минуту испущу дух. Чувствую я себя превосходно. Мне нужна только жаровня, вот и все.

Итак, Аршамбо, вам хотелось бы узнать, что же последовало за Мантским соглашением, о котором я вам вчера говорил... Вы прекрасно умеете слушать, дорогой мой племянник, и одно удовольствие – пересказывать вам то, что знаешь. Я даже подозреваю, что, когда мы останавливаемся на ночлег, вы кое-что записываете. Разве не так? Стало быть, я не ошибся. Это только наши северные сеньоры считают, что чем человек невежественнее, тем он, верно, знат-

нее, словно бы читать и писать – дело одних писцов или бедного люда. Для того чтобы прочесть самую пустяковую записку, они кличут грамотея-служителя. А мы, живущие на юге королевства, мы с давних пор набрались латинского духа и не брезгуем ученостью. Что и дает нам немалое преимущество в делах.

Стало быть, вы записываете. Весьма похвальное занятие. Ибо после меня не останется никаких письменных свидетельств того, что я делал и чего навидался. Вся моя переписка и записи уже попали или попадут в папские архивы и пребудут там на веки вечные, так как на сей счет существуют строгие правила. Но зато вы, Аршамбо, сможете хотя бы в части, касающейся Франции, сказать во всеуслышание то, что стало вам ведомо, и оцените мою память куда более справедливо, чем то, безусловно, сделает Копоччи... только бы сподобил меня Господь пережить его хоть на один-единственный день... чтобы он не успел на это покуситься.

Итак, вскоре после Мантского соглашения, где король Иоанн проявил в отношении своего зятя столь непонятную щедрость, он тут же стал обвинять тех, кто вел переговоры. Робер Ле Кок, Робер де Лоррис и даже родной дядя жены короля кардинал Булонский – все они, по его словам, были подкуплены Карлом Наваррским.

Между нами будь сказано, я лично считаю, что доля правды здесь есть. Робер Ле Кок – еще молодой епископ, сжигаемый честолюбием, не только великий мастер интриг, но и страстный их любитель – сразу учуял, какую выгоду может он извлечь из сближения с Карлом Наваррским, к партии коего он, впрочем, после ссоры того с королем примкнул вполне открыто. Робер де Лоррис, камергер, был, безусловно, предан своему господину, но происходил он из семьи банкиров, а значит, не мог удержаться, чтобы походя не прикарманить несколько пригоршней золота. Я-то знал его, этого Лорриса, когда он лет десять назад приезжал в Авиньон просить займы у тогдашнего папы триста тысяч флоринов для Филиппа V. Я честно удовольствовался тысячью флоринов за то, что свел Лорриса с банкирами Климента VI, с Раймонди из Авиньона и с Маттеи из Флоренции; но боюсь, что сам он сумел сорвать значительно больше. А что касается кардинала Булонского, хоть он и родственник королю Иоанну, но...

Признаюсь откровенно, что нас, кардиналов, так уж оно повелось, всегда вознаграждают за наши хлопоты в пользу государей. Иначе нам не хватало бы средств на то, что полагается нам иметь по нашему сану. Никогда я из этого тайны не делал и даже горжусь, что получил двадцать две тысячи флоринов от моей сестры Дюраццо за то, что немало потрудился двадцать лет назад – ох, уже целых двадцать лет! – улаживая ее дела с герцогством, которые были сильно запутаны. А в минувшем году, когда нужно было добиться особого разрешения на брак Людовика Сицилийского с Констанцией Авиньонской, я получил в благодарность пять тысяч флоринов. Но принять деньги я могу лишь от того, кто просит помочь ему моим умением либо влиянием. Бесчестье начинается тогда, когда ты берешь деньги у противной стороны. И боюсь, что кардинал Булонский не устоял перед сим искушением. Именно с тех пор их дружеские отношения с Иоанном II охладели.

Лоррис после кратковременной опалы опять вошел в милость; впрочем, так бывало со всеми Лоррисами. Наш Лоррис припал к королевским стопам – было это в Страстную пятницу нынешнего года, – поклялся в полнейшей своей честности и обвинил в попустительстве и двуличии Ле Кока, который успел перессориться со всем двором и был оттуда изгнан.

А опорочить людей, ведущих переговоры, – вещь весьма выгодная. Можно таким путем, по этой причине, не выполнить взятых на себя обязательств, что король и не преминул сделать. Когда ему попытались растолковать, что нужно бы зорче следить за своими посланцами и не так слепо им доверять, он сердито огрызнулся: «Не рыцарское это занятие – вести переговоры, спорить, приводить аргументы!» Он всегда делал вид, что презирает всякие переговоры и дипломатию, и это позволяло ему отрекаться от собственных обещаний.

А на самом-то деле он потому столько и наобещал, что заранее решил не сдержать ни одного обещания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.